

Карл Эдвард Уэгнер
Рассказы

Karl Edward Wagner

The Other One, 1977

Misericorde, 1983

Lacunae, 1986

The Gothic Touch, 1994

Deep in the Depths of the Acme Warehouse, 1994

перевод: Андрей Тищенко

Содержание

Иной _____	4
Мизерикордия _____	12
Лакуны _____	33
Жестокое соприкосновение _____	44
В недрах склада Акме _____	61

Иной

Сказывают, есть такая история о неких разбойниках, что укрылись под деревом и, когда темнота и буря накрыли их, они собрались у костра и сказали своему главарю: «Расскажи нам сказку, так мы скоротаем ночные часы в этом безлюдном месте», и их главарь обратился к ним: «Однажды некие разбойники укрылись под деревом и, когда темнота и буря накрыли их, они собрались у костра и сказали своему главарю: «Расскажи нам сказку, так мы скоротаем ночные часы в этом безлюдном месте», и их главарь обратился к ним: «Однажды некие разбойники укрылись под деревом...»

Темнее сгущающихся сумерек, тысячерукие ветви огромного баньяна качались и шелестели под ветрами бури. За пределами их полога ударила о голые камни дробь зачинающегося дождя, выхлестывая из хмурых туч, наплывавших на них через пустынную равнину, словно множество лучников вели пристрелочный огонь.

Кто-то разжег костер. Когда занялись сырые ветки, затрещало и зашипело желтое пламя; серый дым просачивался сквозь кровлю ветвей баньяна и развеивался ветрами. Возле костра собралось немногим больше десятка – преступники и изменники, чья грязная броня и разношерстное оружие свидетельствовали о тяжелом и кровавом ремесле.

Под баньяном, стиснутым столбовидным сплетением собственных ветвей и корней, поместилась бы еще сотня. Произрастая в течение бесстрастных веков вверх и вширь, дерево простирало ветви и зарывалось корнями. Позади, - вдоль тропы, которой шли преступники, - лежали многие мили сплошного тропического леса. Далее, - в направлении, куда лежал их путь, - тянулась совершенно пустынная равнина во много миль шириной. Под серым занавесом надвигающейся бури виднелась стена леса, окаймлявшего дальние границы равнины.

По опоясанной джунглями равнине, где веком ранее лежали тщательно возделанные поля, крался молодой лес, прорастая через расплюснутые камни и груды разбитой кладки там, где некогда возвышался великий город. Город, ни стен, ни башен которого не сохранилось; настолько полным было его разрушение, что едва ли хотя бы один камень остался стоять на месте. Это была панорама совершенного истребления – пустыня обрушенного камня и изуродованной огнем кладки. Прошло более века, и лишь кустарник, лоза и вторичный

лес вторглись в руины. Пройдет более века, прежде чем последняя насыпь, оставшаяся от разбитой стены, исчезнет под натиском леса.

Они собрались у костра, сбросив изношенную одежду, вытащив все, что требовалось для приготовления ужина. Три, или, быть может, четыре дня пути, - и их главарь обещал им добычу большую, чем они сумели бы унести. Этой ночью приятные перспективы к привычной предвкушающей болтовне не привели. Люди беспокойно взирали на надвигающуюся бурю, хмуро разглядывали равнину с руинами, возле которой стали лагерем. Ибо то были руины Андалара Проклятого, и ни один человек не желал задерживаться в этом месте.

- Величайший город этой страны, - задумчиво пробормотал один. – Теперь тут нет ничего, кроме разбитого камня и гниющих костей. Здесь нет теперь даже объедков, способных привлечь стервятников.

- Когда-то объедки здесь были в таком изобилии, о каком вы только смели бы мечтать, - заметил другой. – Андалар был самым гордым городом в мире.

- И боги разрушили Андалар за его гордыню, - протянул третий, не так насмешливо, как сказал бы это в любом другом месте. – Я слышал что-то такое.

- Я слышал несколько сказок, - заявил первый разбойник. – Кажется, ни одной уже не помню.

- Я помню, - пробурчал их главарь.

- Ты в самом деле знаешь сказку о судьбе, постигшей этот город? Пожалуйста, расскажи нам эту сказку.

Главарь рассмеялся, будто бы в ответ на острую шутку, и начал.

Известия о смерти короля Андалара не стали неожиданными для Кейна. Луйстерену VII было немногим меньше восьмидесяти. Поначалу эта новость вовсе не явилась для Кейна трагическим ударом; ведь он сам принял определенные меры, гарантирующие, что девятый десяток правитель Андалара не разменяет никогда. Было хорошо известно, что Кейн, верховный министр Андалара, был большим любимцем дряхлого слабоумного наследника короля и, хотя это было известно не так хорошо, младшая жена короля, Хаин, была большой любимицей Кейна.

Когда по дворцу пронеслись первые пронзительные слухи о надвигающейся смерти Луйстерена, а над темными улицами города завыли набатом траурные трубы жрецов Ингларна, Кейн улыбнулся, наполнил золотую чашу и молча осушил в память о покойном. Смерть короля наступила на несколько месяцев раньше, чем требовали его планы. Может быть, ему следовало назначать порошки более умеренно или, возможно, сердце престарелого деспота просто задохнулось своей пыльной кровью. Как бы то ни было, Луйстерен VII умер. Положение

Кейна было надежным. Когда любимый сын короля взойдет на трон под именем Миддосрон III, новый король будет весьма доволен тем, что дела Андалара ведет Кейн, чего тот и желал.

Кейн допил бренди, откинул массивное тело на спинку кресла и погрузился в размышления о прошедшем годе. То был стремительный, даже по меркам Кейна, взлет к власти, но тогда Андалар представлял из себя плод, созревший для сбора, и Кейна мало волновало, что его путь оказался настолько шаблонным, что получился скучным.

Почти год назад Кейн пришел в Андалар на службу в качестве капитана отряда наемников. Успех в битвах привлек к нему внимание короля, и взлет до должности командующего армиями города-государства последовал быстро. Пограничные войны Андалара завершились победоносно, и Кейн воспользовался благосклонностью короля, поднявшись до высшей должности при королевском дворе. Правильное назначение неких тайных эликсиров, известных Кейну, вернуло престарелому королю энергию и мужскую силу, обеспечив Кейну влияние на Луйстерена. Случившееся затем было делом искусного государственного ума: после того, как главных соперников Кейна уличили (стараниями Кейна) в организации заговора против короля, его взлет до должности верховного министра стал так же неотвратим, как и скорая смерть короля.

Хотя такое положение едва ли было Кейну в новинку, он испытывал определенную гордость за свое достижение, ведь никогда прежде в андаларской структуре власти чужеземец не взлетал так быстро и так высоко. Так как Андалар был древнейшим и величайшим из разрозненных городов-государств, обладавших властью сюзеренов над этим опоясанным джунглями регионом, - пускай сему гордому наследию и сопутствовали выраженное помешательство на традициях и непримиримая ксенофобия, - он владел несметным богатством, накопленным в королевской казне за века. Кейн лениво тешил себя планами в отношении пользы, кою он мог бы извлечь из щедрости Андалара, когда в его покои влетела Хаин.

Младшей жене Луйстерена не исполнилось и четверти тех лет, что прожил ее царственный супруг. Хаин была стройной, ростом чуть ниже шести футов Кейна, но тело ее не было ни мальчишеским, ни подростковым. Ее фигура имела пропорции точь-в-точь как мраморная богиня, при этом она двигалась с грацией танцовщицы, - ибо прежде она была танцовщицей в храме Ингларна. Она обладала редкой комбинацией ярких зеленых глаз и блестящих черных волос. В данный момент ее длинные волосы растрепались, эльфийские черты полнились унынием и отчаянием. Кейн удивился ее слезам, ведь во время их тайных свиданий Хаин не проявляла ни малейших признаков привязанности к мужу.

- Ты знаешь? – спросила она, в вихре шелка попадая в его объятия.

Кейн поразился безжизненности ее тона. В его личных покоях подобное поведение было ни к чему. – Мне сообщили, что на рассвете он еще глубже впал в беспамятство. Когда жрецы минуту назад начали свой проклятый кошачий концерт, я выпил за твое вдовство.

Хаин издала под бородой Кейна сдавленный звук, обхватила руками его бочкообразный торс. – Если бы только он смог выдержать этот последний приступ жара. У нас бы оставалось еще много ночей, у которых мы урвали бы часик экстаза.

Кейн понимающе засмеялся. – Нет, конечно, приличия требуют благоразумного периода траура, но потом...

Она прервала его смех поцелуем. – Одно, последнее объятие, любимый! Они придут за нами через минуту.

- О чем ты говоришь? – начал Кейн, вдруг осознав, что ее отчаяние слишком непритворно.

Но они уже пришли за ними.

В личные покои Кейна в кричащих мантиях оттенка пламени, друг за другом вошли жрецы Ингларна. Их лица под черной, как сажа, ритуальной траурной раскраской были бледны; по их выражениям, когда они уставились на пару, трудно было что-либо прочесть.

- Ступай, Возлюбленная Короля, - протянул их глава. – Твой господин призывает тебя, чтобы жить с ним во дворце Ингларна, в Раю для Избранных.

- Я дал приказ, чтобы меня не беспокоили, - проворчал Кейн, теряясь в попытках что-то понять. Его личная охрана – люди, все отобранные им самим, - должна была вышвырнуть этих дураков с порога, но на сигнал тревоги, поданный посредством секретных устройств Кейна, ответа не последовало. Но взгляда, брошенного за дверь, хватило, чтобы увидеть, как солдаты Кейна спокойно покидают свой пост.

В тоне звучных слов верховного жреца сквозило презрение. – Вы чужеземец, повелитель Кейн. Вы занимаете высшую должность, которой прежде не удостоивался ни один чужестранец. Однако, хоть вы и чужеземец, остается еще один, последний и наивысший долг, который вы должны отдать своему господину.

Кейн явился в эту страну недавно и имел весьма поверхностное представление о ее бесчисленных законах и обычаях. Если отравление заподозрили, почему вместо вооруженной стражи явились жрецы?

- Что это, Хаин?

- Ты не знаешь? – вяло ответила ему Хаин. – Это закон Ингларна. Когда короля Андалара призывают в рай, его двор и старшие советники обязаны его сопровождать. Таким образом, они продолжают служить своему господину во Дворце Ингларна, а новый король начнет свое священное царствование свободным от обязательств, наложенных покойным королем.

- Разумеется, - любезно согласился Кейн, тогда как мысли его под маской бесстрастного лица пребывали в смятении. Его познания об этой подневольной традициям стране не были глубоки. Ингларн был сугубо местным божеством, и Кейн не потрудился изучить тайны его культа. Луйстерен VII взшел на трон ребенком более семидесяти лет назад. Увлечшись

дворцовыми интригами, Кейн не особо интересовался событиями, оставшимися вне памяти всех, за малым исключением, жителей города.

- Идем с нами в храм Ингларна, - пригласил верховный жрец. Двое его собратьев приготовили ритуальные золотые оковы. - Этой ночью вы заплатите последнюю земную дань уважения вашему господину на его погребальном костре. Наутро вы пройдете через огонь и присоединитесь к нему в Благословенном Дворце Ингларна.

- Разумеется, - улыбнулся Кейн. В данное время коридор за пределами его апартаментов был пуст, если не считать жрецов. В священные ритуалы не принято вмешиваться.

Шея верховного жреца хрустнула со звуком не громче его изумленного вздоха. Кейн отшвырнул его труп столь же небрежно, как бросает куклу ребенок, и его ладонь нанесла смертельный удар по шее второго жреца, в то время как тот стоял, выпучив глаза, не в силах поверить в происходящее. Третий жрец развернулся к двери, набирая воздух для крика; легким прыжком Кейн настиг его, и стальные пальцы задушили крик вместе с жизнью.

Хаин зашлась в истошном вопле ужаса.

Времени на разъяснения не было. Удар Кейна с почти убийственной силой потряхнул ее голову. Задержавшись лишь затем, чтобы приторочить за спину меч, Кейн завернул бесчувственную девушку в свой плащ, и, словно тень, выскользнул из дворца.

Кейну позволили бежать темнота и первозданный хаос, ведь смерть короля потрясла город. Это, а также то, что святотатство Кейна представлялось совершенно немыслимым, стало причиной, по которой подневольные традициям обитатели Андалара оказались не способны среагировать на такое чудовищное преступление сразу.

Кейн достиг городских ворот раньше, чем Хаин окончательно пришла в сознание, и раньше, чем известие о его возмутительном поступке насторожило сбитую с толку стражу на стене. Он ускакал бы за границы Андалара прежде, чем организуют преследование, но лесные тропы коварны ночью, и хотя Кейн видел в темноте, конь его этого не умел.

Кейн выругался и отослал своего спотыкающегося хромого коня в темноту. Возможно, ложный след собьет с толку погоню, дав Кейну время, достаточное для успешного побега. Похоже, Хаин все еще была в шоке, - от его кулака или святотатства, - во всяком случае, когда Кейн спешился, она последовала за ним молча.

Они шли сквозь цепкую тьму нескончаемо долго, - Кейн подстраивал свой шаг под шаг Хаин, - до тех пор, пока, наконец, беззвездный древесный кров не начал разъедать налет серости.

Где-то впереди слышался глухой шум воды, и ощущалось дыхание холодного тумана. В серости предрассветных сумерек они брели к краю ущелья. Кейн замедлил шаг, гадая, как

достичь реки внизу. Он вел кампании вдоль границ владений города-государства, и имел ясное представление о своем местонахождении, хотя и не узнавал этого участка леса.

Хаин понуро съежилась на валуне, наблюдая, как Кейн рыскает по окутанному туманом эскарпу.

- Мы отыщем путь вниз, как только рассветет, - заверил он ее. – Здесь стремнина, но когда мы пройдем вниз по реке, она станет достаточно спокойной для плавания на плоту. Мы свяжем плавник и выплывем за границы Андалара раньше, чем эти дураки догадаются, где нас искать.

- Кейн, Кейн, - в отчаянии застонала Хаин. – Ты не можешь бежать. Ты даже не знаешь, какой грех собираешься совершить. Кейн, это НЕПРАВИЛЬНО!

Он с раздражением бросил на нее сердитый взгляд, который она, - в полутьме, - могла почувствовать только по его тону. – Хаин, я прожил так долго не для того, чтобы окончить свою жизнь в каком-то жреческом ритуале. Пускай эти дураки сжигают живых вместе с мертвыми, раз того требуют традиции. Мы же с тобой посмеемся в землях, где неизвестно королевство Андалар.

- Кейн. – Она встряхнула гривой цвета полуночи. – Ты не понимаешь. Ты чужой. Ты НЕ СПОСОБЕН понять.

- Я понимаю, что ваши обычаи и священные законы – фальшивый и пустой спектакль. И понимаю, что я люблю тебя. А ты любишь меня.

- О, Кейн. – Лицо Хаин исказилось. - Ты презираешь наши законы. Ты презираешь наших богов. Но ты же должен их понимать.

- Хаин, если ты действительно желаешь умереть ради вящей славы мужа, чье старческое прикосновение внушало тебе отвращение...

- КЕЙН! – Ее крик пронзил его насмешку. – Это ГРЕХ!

- Как и супружеская неверность в некоторых общественных структурах, - засмеялся Кейн, стараясь добиться перемены ее настроения.

- УСЛЫШЬ меня! То, над чем ты глумишься, - часть меня.

- Конечно.

- Андалар – древнейший город мира.

- Один из богатейших, соглашусь с тобой, - но далеко не древнейший.

- Кейн! Как мне заставить тебя понять, когда ты лишь глумишься надо мной!

- Извини. Продолжай, пожалуйста. – Кейну показалось, что он видит тропу, которая, возможно, ведет вниз, но он не был уверен, слишком густым был туман.

- Андалар построен Ингларном на заре мира. – Казалось, она декламирует катехизис.

- И Андалар почитает Ингларна по сей день, - подсказал ей Кейн. Местные боги, почитаемые высшими божествами, нередко встречаются в изолированных районах вроде этого.

- Когда Ингларн в Фонтане Пламени отбыл в Рай по Ту Сторону Солнца, - декламировала Хаин, - он оставил частицу своего священного огня во плоти королей Андалара.

Кейн слышал обрывки этой легенды. Но с тех пор он давно потерял интерес к бесчисленным вариациям мифа о солнечном божестве.

- Поэтому, - продолжала Хаин, - личный двор каждого короля Андалара посвящается огню Ингларна. И когда Огонь, Сотворивший Плоть короля, исходит из Плоты, чтобы вернуться в Огонь Ингларна, все, кто есть часть королевского Великолепия, также обязаны войти в Огонь вместе со своим королем, чтобы возродиться в Раю для Избранных.

- Должно быть, путь вниз, к реке, недалеко отсюда, - Кейн размышлял вслух. – Пожалуй, будет лучше, если я разыщу его сам, потом вернусь за тобой.

- Кейн, послушай! То, что ты натворил, - грех! Ты нарушил Священный Закон Ингларна. Ты попытался избежать участи, которую уготовил тебе Ингларн. А Закон гласит, что, если кто-либо из членов королевского двора оскорбит Ингларна тем, что уклонится от своего священного долга перед королем и перед богом, Ингларн возвратится из огня, - вернется и полностью уничтожит Андалар и весь его народ!

Кейн почувствовал ее муку, прислушался к ее исполненным болью словам, постарался заставить себя понять. Но Кейн был человеком, презиравшим любых богов, не знающим почтения ни к какому-либо богу, ни к закону. И он знал, что они должны довести свой побег до успешного завершения в течение ближайших часов, иначе окажутся окружены безумными преследователями.

- Подобные легенды я слышал в сотне стран, - настойчиво уверял он ее. Но теперь он понимал, что жители Андалара отдадут все силы на их поимку для погребального костра.

- Но это МОЯ страна.

- Уже нет. Мы с тобой посетим еще тысячу.

- Просто обними меня прямо сейчас.

И тогда Кейн овладел Хаин на покрытых мхом валунах ущелья, - в то время как внизу гремела река, а сверху над ними разрывались серым цветом небеса. И Хаин кричала в восторге умирающим звездам, и Кейн на мгновение позабыл одиночество бессмертия.

А потом Кейн расплел объятия, дав свободу их опустошенным телам, и поцеловал ее. - Жди здесь, когда я вернусь. Ты в безопасности, - чтобы отыскать наш след, им потребуется дневной свет. Я отыщу тропу вниз, к реке, раньше. До следующего рассвета мы навсегда попрощаемся с границами Андалара и его безумными обычаями.

И она поцеловала его, и что-то неразборчиво прошептала.

Когда Кейн, наконец, обнаружил ту тропу в ущелье, относительно которой был точно уверен, что Хаин сумеет спуститься, наступило позднее утро. Они могли бы какое-то время двигаться вдоль реки, - сбивая с толку погоню, - прежде чем он смастерит плот, что унесет их за пределы земли Андалара. Несмотря на то, что в сравнении с тем, чем Кейн поделился с Хаин, путь к спасению яснее ничуть не стал, Кейн знал, что их шансы хороши, как никогда. Аккуратно Кейн пошел по своим следам к валунам, где укрыл ее.

Сначала Кейн попытался убедить себя, что сбился со своих ориентиров, но затем он обнаружил послание, которое Хаин нацарапала на камне.

«Я не могу допустить, чтобы из-за моего греха мой город оказался разрушен. Иди своей собственной дорогой, Кейн. Ты чужак, Инглартн простит». Кейн исторг бессвязный рык боли, и устался в сторону Андалара зловещим взглядом.

Слома голову Кейн устремился по ее следу, моля об оседланной лошади, надеясь, что какой-нибудь глупец вдруг преградит ему путь. Он обнаружил место, где Хаин повстречала их преследователей, и кони развернулись и помчались галопом назад в Андаларт.

Но к тому времени, как он доковылял до места, откуда стали видны стены Андалара, небо очернил погребальный костер короля Луйстерена VII со всем его двором.

Небо почернело от ночи и угрюмой бури, когда главарь окончил свою сказку. Сквозь спутанные ветви баньяна их настигал дождь, шипел в костре. Они разглядывали руины Андалара Проклятого и дрожали, не только из-за дождя.

- Так значит, легенда оказалась права? – спросил главаря один из разбойников. – В результате святотатства, совершенного чужеземцем, Инглартн разрушил город?

- Нет. Их бог пощадил город, - резко ответил ему Кейн. – Но я вернулся со стотысячной армией. И во всем Андаларе я не оставил камня на камне, не пощадил ни единой души.

Мизерикордия

В тесной комнате стоял аромат увядших цветов и любви, еще более вялой.

Тамаслей с раздражением встряхнула агатовую бутылочку своих любимых духов, обнаружив, что она опустела. Длинными ногами прошагав через спальню, она откинула шелковую занавеску и швырнула бутылочку в окно. Она глубоко вздохнула. Холодный горный воздух сморщил ее нагие соски. Где-то в отдалении бутылочка разбилась о камень.

- Я не стану любить труса, - сказала она в ночь.

Джосин беспокойно заворочался в ее кровати. Агатовая бутылочка ароматических масел была одним из его подарков. Он сделал его накануне той ночи, когда убил ее прежнего любовника.

- Я сделаю все, что ты пожелаешь. Ты знаешь это.

- Знаю? – Тамаслей саркастически рассмеялась и осмотрела свое отражение в зеркале туалетного столика. Ее блестящие черные волосы свисали свалывшимися прядями. Она перебросила их завитки назад, через белые плечи и собрала на затылке отделанным золотом шнуром. Пока ее сильные пальцы давили ягоды белладонны об ониксовую ступку, Тамаслей созерцала свои глаза.

В волнении Джосин поднялся. Он стоял позади нее, пряча от зеркала внезапный спад возбуждения.

- То, что ты просишь – смерть.

- То, что я прошу – опасно. Риск. Ведь ни один мужчина не спрячет лицо и не уползет на брюхе в ответ на простую просьбу своей дамы?

- Ты просишь – требуешь, - Джосин понизил голос, бросив взгляд в открытое окно, - чтобы я выкрал корону герцогов Харнстерма у клана Варейшеев.

- Они украли ее довольно легко, когда милорд Лональ оказался настолько глуп, что возглавил поход против них.

- Сорвать корону с окровавленной башки мертвеца – далеко не то же самое, что кража из преступной твердыни.

- Ты всегда говорил – ты самый ловкий вор во всем Кросанте, - Тамаслей обнаружила выбившуюся ресничку, безжалостно вырвала ее.

- Я такой и есть, - заверил ее Джосин.

- Это всего лишь захудалая старая крепость, - напирала на него Тамаслей, - неотесанная банда грабителей.

- Которая держит эти горы под своим господством со времени убийства короля Джанисавиона десять лет назад, - напомнил ей Джосин.

- Тот, кто носит корону, может предъявить права на власть в Харнстерме, - Тамаслей размышляла вслух. – Наш незабвенный герцог был убит, не оставив прямого наследника. Пройдут годы, прежде чем Кросанте устанет от всех интриг и лишится всех претендентов. То, что желает народ сейчас – это власть, точнее, гарантия власти, символ власти. Мне не нужно напоминать тебе, что мой собственный род – один из древнейших в нашем городе, несмотря на наше умаление за время этих последних гражданских волнений.

С короной герцогов – и в союзе с человеком, достаточно отважным, чтобы вырвать ее у горных разбойников... - Тамаслей надушила ложбинку между грудей.

- Варейшеи хорошо сторожат украденные ими сокровища.

- А ты говоришь, что ты вор.

- Я говорю, что я – твой возлюбленный.

- А я говорю, что не стану любить труса.

Джосин пожал широкими плечами. Его усы изобразили в зеркале печальную улыбку. Он взобрался так высоко. Осмелится ли он взобраться еще выше? Он был лучшим. Среди воров. Среди любовников. Среди честолюбивых искателей приключений. Среди них всех – именно он. Пойти против Варейшеев? Ни один человек никогда не брал верх над ними.

- Ты получишь эту корону, - пообещал Джосин.

- А ты получишь мою любовь.

Это случилось две недели спустя.

Два ворона прокаркали в ее окне.

Тамаслей наконец проснулась. Она вылезла из холодной постели. На оконном карнизе валялся сморщенный комок мышц.

Она поняла, что это сердце ее любовника еще раньше, чем узнала, что его голова водружена на кол прямо за стенами Харнстерма.

Именно тогда она стала разыскивать Кейна.

1. Четыре имени кровью.

- Мне сообщили, - сказала Тамаслей полуслепому фонарщику, - что за определенное количество золота здесь, в закоулках Харнстерма, можно добиться исполнения самых причудливых своих желаний.

Фонарщик подрезал фитиль и поджег его. Закрыв ромбообразную панель, он слез со своей подставки и поднял бидон с маслом. От него воняло маслом и копотью, и казалось, что поджечь старика и его оборванное одеяние способна случайная искра.

- Есть много желаний.

- Мое желание – поговорить с одним человеком. Его имя Кейн.

- Мертв. Мертв, так я слышал. Уже много лет, как мертв. - Тамаслей пересчитала золотые монеты, пересыпав их из одной ладони в другую. Джосин как-то сообщил ей, что старый фонарщик знает о делах преступного мира Харнстерма больше, чем все его жители. – Но с другой стороны, - сказал фонарщик, резко сдвинув наглазную повязку и пожирая глазами пригоршню золотых монет, - возможно, я знаю кого-то, кто, возможно, знает, где, возможно, находится Кейн.

Тамаслей позволила золотой монетке выпасть из ее пальцев. Она укатилась в кучу лошадиного навоза возле грязных сапог старика.

- Когда я поговорю с Кейном в моих покоях в особняке Тамейраль, - сказала она, кивнув в сторону пребывающего в запустении района, где некогда обреталось богатство Харнстерма, - ты получишь в придачу к этой пять звонких золотых.

Как только она развернулась, фонарщик принялся копаться в поисках монеты. – Если ты переживешь это свидание, - пробормотал он себе в бороду.

Тамаслей бросила плащ служанке и вошла в личные покои. Она обратила внимание на дерьмо, испачкавшее ее сапоги и решила, что ванна избавит ее ноздри от зловония улиц. Но сначала, чтобы унять волнение - выпить.

Прошествовав к графину бренди на серванте, Тамаслей стала себе наливать – признак вынужденной спешки, - когда заметила, что один бокал из хрустального набора пропал. В раздражении она окинула взглядом комнату, будучи уже готовой отругать слугу, который не помыл и не вернул на место бокал, – или к более грубой брани, если он окажется разбит.

Бокал, нетронутый и опорожненный только что, находился в руке, почти поглотившей его. Тамаслей расплескала бренди на сервант, уставившись с разинутым ртом на человека, который наблюдал за ней из теней ее комнаты.

Он был огромен, - ей казалось невероятным, что она не заметила его тотчас при входе в комнату, пока она не подумала о том, как хищные звери словно сливаются с окружающей их обстановкой. Он был одет во все черное, от высоких сапог и кожаных штанов до плотно облегающей кожаной куртки. Он оперся о стену, а из-за его правого плеча выглядывал тем временем эфес меча, демонстрируя на фоне темных панелей сложную филигранную работу. Коротко бритая борода смягчала черты жестокого лица, но холодные голубые глаза, изучавшие ее из тени, заставили Тамаслей подавить трепещущий в глотке крик.

- Я налью? – предложил Кейн.

Вернув самообладание, Тамаслей обещала себе как следует разобраться со слугой, не удосужившимся сообщить ей о присутствии Кейна. – Ты пришел сюда быстро.

- Дурные вести быстро распространяются, - Кейн наполнил бокалы бренди. Вблизи его размеры представились даже более угрожающими, отчего безупречная грация его движений стала еще более зловещей.

- Ты Кейн, - интонация Тамаслей не была вопросительной. – Джосин рассказывал мне о тебе. Он называл тебя своим другом.

- Человек, подававший большие надежды, - и, как можно было думать, достаточно трезвого ума, чтобы не пытаться красть у клана Варейшеев. Я пью за покойного товарища.

- А я – за возлюбленного, - Тамаслей чуть прикоснулась губами к своему бокалу. – Я полагаю, ты догадываешься, зачем я позвала тебя сюда.

Глаза Кейна внимательно смотрели над краем его бокала.

- Джосин рассказывал мне, что ты лучший, самый лучший. Он сказал, что точно так же как он – величайший из воров, потому что крадет ради самого азарта, так и ты – величайший из убийц, потому что убиваешь людей ради удовольствия.

- И ради платы, - напомнил ей Кейн.

- Говорят, что за десять марок золотом у тебя можно купить жизнь, - жизнь любого.

Кейн поставил свой стакан. Тамаслей заглянула ему в глаза, и иного ответа не потребовалось.

- Я желаю купить жизнь, - сказала она. – Четыре жизни.

Она отстегнула с пояса платья ключ и отперла окованную железом дверь массивного дубового шкафа. Оттуда она извлекла пару кожаных кошель. Держа по одному в каждой руке, она принесла и положила их на сервант. Вернувшись к шкафу, она положила рядом с первой

парой еще два тяжелых кошелька. Графин и хрустальные бокалы отзывались на приглушенный звон золотых монет чудесными криками.

- В каждом кошельке - десять марок золотыми монетами. За каждый кошелек я требую жизнь. Когда будут отняты четыре жизни, эти четыре кошелька станут твоими, – ее улыбка испытывала его. – Или ты намереваешься взять их у меня сейчас?

- Я пришел сюда не красть, - заверил ее Кейн.

- Потому что даже убийцы имеют свой кодекс, - и свое чувство достоинства, также как воры вроде Джосина.

- Определенные правила игры необходимы, - ответил Кейн. – Иначе это не игра. Для настоящего мастера богатство - не цель. Если я назначаю гонорар за выполнение некоего задания, я не приму этот гонорар, пока не исполню его. Взять гонорар силой, - или взяться за задание без уверенности, что оно будет выполнено, - было бы бессмысленно, скучно.

- Значит, ты ВОЗЬМЕШЬСЯ за задание?

- Обыденное мне скучно, а эта задача уже выходит за рамки обыденного. Тебе остается назвать имена четверых, чьи жизни ты просишь, и задача будет решена.

- Джосин однажды рассказал мне, что соответствующий этикет достаточно сложен, - сказала Тамаслей. – Я, в свою очередь, считаю важным делать дела правильно. – Она сунула руку за голенище и обнажила кинжал с узким клинком. Приставив его острие к своему большому пальцу, Тамаслей пустила яркий ручеек крови. Пользуясь кинжалом как пером, на каждом кожаном кошельке она кровью написала имя. ВЕНВОР. ОСТЕРВОР. СИТИЛЬВОН. ПУРИАЛИ.

- Клан Варейшеев, - на лице Кейна отразился интерес.

- Клан Варейшеев, - глаза Тамаслей были так же безжалостны, как и Кейна. – Они убили моего возлюбленного. Я хочу их жизни.

- Я впечатлен, - улыбка Кейна выражала некую скрытую насмешку.

- Далее, - Тамаслей тщательно подбирала слова, - есть дело, касающееся некоей короны, которую любимый Джосин пытался украсть для меня. Если ты случайно наткнешься на корону герцогов Харнстерма после того, как Варейшей не будут больше нуждаться в ней, я заплачу тебе очень щедро.

- Пусть будет так, - согласился Кейн. – Ты купила четыре жизни, - и корону. Я собирался этой ночью завершить другое дело, но вместо этого уделю неотложное внимание этой задаче.

- Ты убедишься, что я умею быть очень благодарной, - обещала Тамаслей.

2.Крепость страха

Расположенный к северо-западу от Южных Королевств Кросанте был густо покрытым лесами, гористым краем множества маленьких деревень, обычно пребывающих под защитой крепостей сюзеренов. За многие годы некоторые из этих теснящихся друг к другу деревень срастались в укрепленные города под общим управлением владельца замка, который соперничал теперь за власть с городскими мэрами. Таким городом был Харнстерм, надежно изолированный глубокими долинами и скалистыми вершинами гор Альтанстанд, город, тем не менее, богатый и сильный, поскольку вырос на главных торговых путях через горные перевалы и границу.

Это была страна, где верховную власть было трудно удерживать, и только сильнейшим из королей удавалось успешно управлять богатыми городами и защищенными горами крепостями могущественных владетелей. Со времени убийства короля Джанисавиона, случившегося десять лет назад, Кросанте знал лишь анархию и гражданскую войну, которая грозила затянуться навечно. Вне пределов защиты городских стен Кросанте представлял из себя не знающую закона дикую местность, опустошаемую личными армиями могущественных владетелей и разоряемую мародерствующими бандами преступников. Часто различие между ними было несущественным, если его вообще было возможно провести: подходящим примером тому были Варейшеи. Большинство было убеждено, что цитадель Альтарн защищала главный перевал через горы Альтанстанд между Харнстермом и границей за века до того, как Харнстерм вырос в город. Другие легенды, под стать легковерию слушателя, намекали на то, что каменная крепость всегда хмурилась с обрыва, что древние стены возвели над более старыми стенами и еще более старыми фундаментами, - монастыря, заброшенного по неизвестным причинам, храма забытого божества, замка, возведенного и рухнувшего в эпоху, утерянную для истории, может быть, даже дочеловеческого строения из числа руин Старой Земли. Какова бы ни была ее история, цитадель Альтарн не была приятным местом, и властители Харнстерма не замедлили с переносом центра своей власти в новый замок, построенный на торговых путях чуть дальше в землях Кросанте, который со сменой поколений стал городом Харнстерм. Цитадель Альтарн, при своей несомненной стратегической важности, осталась под властью Харнстерма, - должность командующего крепостью и ее гарнизон обычно жаловались младшим отпрыскам правящей династии.

Это не удерживало младших сыновей, замышлявших убийство с целью овладения не принадлежащим им. В спокойные годы короля Джанисавиона никому не показалось необычным, что Лональ, герцог Харнстермский, передал командование Альтарном незаконнорожденному брату Варейшею. Вероятно, бесчинства Варейшея вскоре потребовали бы вмешательства, даже не случись гражданская война, и наступившая в результате анархия развязала Варейшею руки в деле удовлетворения своих деспотических прихотей. Перевалить горы Альтанстанд значило пройти под Альтарном; там, где предыдущие стражи собирали налоги и пошлины, Варейшей брал все, что желал. Беспредел продолжался, и, когда караваны стали появляться все реже, Варейшей обратил внимание на близлежащую сельскую местность и деревни, распространив свои грабежи до самой тени стен Харнстерма. Наконец Лональ возглавил поход против мятежного сводного брата. Немногие из его армии вернулись с рассказами о кровавой резне под мрачными вершинами; Лональ не вернулся вовсе.

Варейшей вполне мог предъявить права на власть в Харнстерме, переживи он своего сводного брата надолго. Народные баллады гласили, что Лональ нанес Варейшей смертельную рану, что их скелеты лежат на поле битвы, сцепившись в вечной схватке. Те, кто, по их утверждению, сражались в битве, клялись, что Варейшей усекал неведомым. Как бы то ни было, после той битвы Варейшея больше не видели, и кто-то говорил, что он умер от ран, а кто-то – что он исчез из своих покоев бурной безлунной ночью. Немногие намекали, что знать правду о судьбе Варейшея могут его дети, но об этом никогда не говорили громче, чем шепотом, и обычно не повторяли.

Последние годы цитадель Альтарн принадлежала клану Варейшеев. Их было четверо. Старшим сыном был Венвор, могучего сложения мужчина, внушающий страх в битве. Ситильвон, единственная дочь, обладала коварным умом, а ее яды были еще коварнее. Остервор, ее младший брат, имел долю талантов Венвора и долю – Ситильвон, и поворачиваться к нему спиной было не слишком мудро. Четвертый, Пуриали, был сводным братом, рожденным от девушки, которую Варейшей насильно забрал из одинокой горной хижины; Пуриали был единственным из его бастардов, о котором Варейшей сознательно заботился, и кто-то говорил, что то было из-за любви к его матери, а кто-то – из страха перед ней. Это могло быть из-за страха перед Пуриали, ибо мать направила его стопы на еще более темные тропы.

Поскольку центральная власть и нормы закона скоро остались в далеких воспоминаниях, – таким же образом жертва рака смутно вспоминает о жизни без боли, – клан Варейшеев обрел над горами за пределами Харнстерма абсолютную власть. Цитадель Альтарн была неприступна; Харнстерм не осмеливался выделить еще солдат на защиту своих владений. Варейшей требовали тяжелую дань с тех, кого они пощадили, а тем, кого решили не щадить, оставалось только молить о быстрой смерти. Там, где их отец был жесток, клан Варейшеев злобствовал. Жители Харнстерма смотрели на свои стены и молились, чтобы не наступил черный день, когда дани окажется слишком мало.

Кейн почуял смерть задолго до того, как наткнулся на караван. Свежий горный ветерок принес застоявшийся запах затхлой крови, сладость рваной плоти, и резкую вонь горелого. Бесшумно двигаясь под звездами, черный жеребец Кейна с опушки леса ступил на заросшую травой тропу. Когда-то эта дорога постоянно использовалась, но такой она была в дни, когда на ветвях деревьев, указывая путь, не болтались трупы.

В то время как Кейн двигался между рядами мертвецов, он услышал звук хриплого дыхания, и задержался. Один, мальчик, едва ставший подростком, был еще жив, – впрочем, судя по крови, что еще стекала по ногам на землю с его изувеченных чресел, увидеть восход ему не было суждено. Кейн освободил его от ветки, к которой того привязали. Его глаза открылись, когда Кейн уложил его на утопанную землю.

- Варейшей? – спросил Кейн, скорее подсказывая, чем вопрошая.

Мальчик ответил машинально, словно пребывающий в трансе. – Мы думали проскользнуть мимо них под покровом темноты. Они настигли нас на рассвете. Они сказали, что оставят нас здесь в знак предупреждения тем, кто намерен пересечь их владения, не заплатив дани.

- А потом?

- Они все унесли в Альтарн. Они забрали мою сестру.

- Несомненно, держать ради выкупа. Теперь возьми на язык этот порошок, пусть растает; он избавит от боли.

Первое было ложью, последнее - нет, ибо Кейн редко проявлял излишнюю жестокость. Артерия под кончиками его пальцев слабо пульсировала, пока он не досчитал до двадцати семи, потом сердце дрогнуло и остановилось.

Вернувшись в седло, Кейн возобновил свой путь к цитадели Альтарн. Комки дерна, взрытые копытами его жеребца, падали беззвучно, ибо мертвые не слышат.

Изучая внутренности девушки, Пуриали рассеянно жевал кусочек сырой печени. Его хирургические навыки были доведены почти до совершенства, именно поэтому его пленница продолжала биться до последней минуты. Ее девственная кровь прочертила алые ручейки на полированной плите бледно-розового мрамора.

- Есть угроза для нас.

Его сводная сестра облизала губы. – Ты действительно веришь гаданию вроде этого?

- На самом деле, нет, Ситильвон, - пробурчал Пуриали. – Но я знаю, что оно доставляет удовольствие мне. И тебе.

Пуриали вытер руки о штанину, смешав красное с менее яркими пятнами, одновременно уставившись вверх, в ночные небеса, окружающие вершину башни. – Просто вспомогательный ритуал. Звезды не могут обманывать. Они предупреждают о смерти.

Венвор фыркнул и стиснул ладонь на эфесе меча. Остервор переступил с ноги на ногу и обратился к чаше вина. Оба брата были высокими и чернобородыми, однако размаха мясистых плеч Венвора хватило бы на двух Остерворов; их сестра могла бы сойти за гладко выбритого близнеца младшего брата. Пуриали, который чем-то напоминал свою мать, был ниже, худощавее, с копной торчащих рыжеватых волос и лицом, слишком рябым для того, чтобы выросла полноценная борода. Сняв броню, два брата остались одетыми в кожаные штаны и замаранные хактоны. Ситильвон накинула на доходящее до лодыжек платье меховой плащ, но Пуриали, несмотря на холодный горный ветер, стоял с обнаженной грудью.

- Звезды не могут обманывать, - повторил Пуриали.

- Еще один вор? – Венвор рассмеялся и толкнул локтем сестру. – Я надеюсь развлечься лучше, чем в последний раз.

Остервор не разделил их веселья. – До меня дошли кое-какие слухи, что лишившаяся Джосина любовница наводила справки о Кейне.

Смеха больше не было.

- Вполне возможно, Кейн мертв, - усмехнулся наконец Венвор. – О Кейне уже годы ничего не слышно. Кто-то говорит, что он бежал из этой страны; кто-то – что он состарился и оставил свое ремесло.

- А кто-то говорит, что он удалился только за тем, чтобы усовершенствовать свое искусство, - сказал Остервор.

- Каковыми бы эти искусства ни были, - добавил Пуриали.

- Какая разница? – презрительно бросила Ситильвон, - Кейн или какой другой враг, - если они выступят против нас, они умрут. Раз звезды предупреждают нас, давайте прислушаемся к ним. Пусть он войдет в Альтарн, если осмелится. Остальные, кто пытались, едва ли злоупотребляли нашим гостеприимством.

Пуриали указал вверх. – Смотрите.

Словно захлестнутые темной волной тумана, звезды исчезли. Только бледный серп луны разрывал абсолютную тьму, что окутала цитадель Альтарн.

3.Призыв

Венвор ссутулил широкие плечи и подул на руки. Под неровным светом факелов на крупных камнях зубцов искрился иней. Презрев плащ и рукавицы, старший Варейшей продолжил мерить шагами темную зубчатую стену цитадели Альтарн. Предупреждая положенный оклик невидимого часового, единственным звуком, отмечавшим его продвижение, было легкое шарканье сапог.

С вершины высокого утеса, под которым узкая проезжая дорога протискивалась между отвесными стенами камня и гремящими пенными стремнинами, цитадель Альтарн контролировала ущелье, прорезавшее горы Альтанстанд. Более чем две трети крепости нависало над головокружительной пропастью, обрывающейся на несколько сот футов вниз, к размытым валунам, туда, где в своей излучине билась река. Подход к надежно укрепленному входу в Альтарн вился вдоль крутого гребня, замыкавшегося в окружности. На протяжении веков армии предпринимали попытки штурма по этому склону, и их белеющие кости можно было найти застрявшими в зарослях вереска и рододендрона.

Никто на человеческой памяти не брал ворота Альтарна. Стражники всегда проявляли строгую бдительность к тем, кому дозволялось пройти через ее ворота, а с ростом междоусобного хаоса их внимательность только усилилась. Джосину удалось залезть на стены с помощью веревки, но этот начальный успех не был вознагражден. Всегда оставалась вероятность, - именно вероятность, - что незванный гость предпримет попытку пробраться в цитадель Альтарн, взобравшись по отвесной поверхности эскарпа и преодолев не так хорошо охраняемую зубчатую стену, что венчала обрыв. За целые века несколько безрассудных глупцов пытались это сделать, и куда река унесла их раздробленные кости, не знал никто.

Хотя он не мог сравниться со своими братьями и сестрой в хитрости, Венвор никак не принадлежал к тем, кто недооценивает врага, и к рассказам, которые слышал о Кейне, он отнесся серьезно. Так, Венвор позволил себе в знак подтверждения легкую улыбку, когда услышал тихий звон металла о камень.

С удивительной для человека его массы ловкостью Венвор приблизился к источнику звука: темный отрезок парапета, сотня футов или более между сторожевыми постами, охраняющими коварнейший обрыв пропасти. Увидеть это мог только глаз, достаточно зоркий, чтобы обнаружить то, что, как подсказывал рассудок, должно там быть: стальной крюк, засевший в амбразуре.

- Меньшего от тебя я и не ждал, - тихо сказал Венвор в то самое время, когда его меч ударил сквозь темноту вниз и разрубил натянутую веревку из сплетенного узлами шелка. Веревка свистнула подобно спущенной тетиве, провисший кусок с крюком упал с парапета со слабеньким звоном, и речной поток заглушил звуки того, что могло бы упасть далеко внизу. Венвор вздохнул и выпрямился.

Он опять услышал тихий скрежет металла о камень. Венвор повернулся. Серп луны вместе с далекими факелами давал достаточно света, чтобы увидеть громадную фигуру в черном, рассеянно дотрагивающуюся до стены кончиком своего меча. Глаза самого холодного голубого цвета леденисто, словно иней, ловили тусклый свет.

- Твой часовой, - сказал Кейн.

- Будь ты проклят! – сказал Венвор и сделал выпад.

Когда клинок Кейна остановил его собственным ударом сверху вниз, единственной эмоцией Венвора была ярость. Хотя внешний облик Кейна был грозен, Венвор сам был человеком, чье телосложение внушало трепет, и он никогда не встречал равного себе в фехтовании. Их мечи сходились так, будто боги грозы вели бой над облаками, - стремительные сверкающие взрывы ярких искр, разбивающие ночную тишину бешеным лязгом стали о сталь. Сталкиваясь друг с другом, их мощные удары с двух рук с оглушительной силой отдавались в мускулах и костях, едва не вырывая эфесы из онемевших ладоней.

Дыхание Венвора разбилось на хриплые судорожные вздохи, и, когда он услышал шум бегущих стражников, он осознал, что чувствует страх. И в результате этого осознания отчаянная

защита Венвора на долю секунды дала брешь, и клинок Кейна с сокрушающей силой вошел в его плечо.

Даже самая лучшая кольчуга не способна выдержать нагрузку за пределами своей прочности; достаточное количество звеньев выдержало, предотвратив отсечение, но меч Кейна с силой, дробящей кости, глубоко вонзился в плоть Венвора. Клинок Венвора звякнул о парапет в тот самый момент, когда он рухнул на колени. Обездвиживающая, шокирующая боль терзала его, и инстинктивно он понимал, что через миг наступит конец.

Кейн, однако, не снизошел до смертельного удара. Его безоружные руки протянулись к Венвору.

- Венвор, пошли со мной.

Остервор затаил дыхание, постепенно усиливая давление плеча на черную дубовую панель. Он почувствовал, как заскрипели в знак протеста кости, когда участок стены повернулся внутрь на ржавых петлях, заскрежетавших при своем первом более чем за столетие движении. Проем занавешивала паутина, отягощенная прахом чужих предков, но вместе с холодным дыханием морозной ночи за стенами изнутри хлынула темнота.

Рассматривая три пересекающихся на паркете пола комнаты инкрустации, покрывшимся пылью предплечьем Остервор отер со лба пот. Северное крыло цитадели Альтарн, где, как считалось, обитают привидения, на памяти живущих пребывало нежилым. Остервор, который давно уже постиг секреты потайных коридоров, проложенных через другие части крепости, поздравил себя с раскрытием этой последней тайны. Нескладная надпись на облицовке стены комнаты, - «Одно - славу иметь, два - богатеть, три – чтобы владеть», - казалась прежним поколениям обитателей бессмысленной. Недавнее внимательное прочтение дневника многовековой давности в ветшающей библиотеке Альтарна дало Остервору ключевую зацепку для связи архаичного каламбура со стилизованным на паркете гербом. Иные указания на предательские ловушки в тайных ходах северного крыла после должных размышлений побудили Остервора взяться за их исследование. Однако...

Остервор серьезно отнесся к предупреждению сводного брата о гибели, равно как не выбрасывал из головы донесения своих собственных шпионов о том, что любовница Джосина разыскивала Кейна. Приписывая Кейну хитрость, почти равную его собственной, - если зловещие рассказы заслуживали доверия, - Остервор не особо рассчитывал на то, что их враг прибьет свой щит к воротам крепости. Принимая во внимание репутацию Кейна, - даже с поправкой на неизбежные преувеличения и приукрашивания, - Остервор предполагал, что убийца попытается проникнуть в цитадель Альтарн тайно, самым окольным путем. Древнюю цитадель испещряли потайные коридоры, все они (теперь, когда северное крыло раскрыло свои тайны) были хорошо знакомы Остервору. Посчитать, что Кейн не осведомлен об этих тайных ходах в равной степени, значило бы фатально недооценить их врага.

Тем не менее, различив свежие следы, оставленные в коридоре там, где пыли следовало бы оставаться нетронутой более века, Остервор совершенно лишился твердости духа.

Хмуρο разглядывая сырые следы сапог, дерзко пересекавшие пятно света, бросаемого его свечой, Остервор колебался. Он уже осмотрел остальные потайные ходы цитадели, большинство из которых были известны только ему; десятка два смертельных ловушек, - шесть разработаны и установлены им самим, - обещали верную смерть любому вторгнувшемуся. И все-таки сюда, в этот коридор, чьи секреты Остервор постиг совсем недавно, уже проник кто-то еще.

Остервор тронул пальцем один из следов сапог, разгладив кусок лишая, хлопья инея еще таяли на нем. Незванный гость прошел здесь всего минуту назад. Остервор стянул сапоги и отстегнул меч. Узкий проход не оставлял пространства для фехтования, а тяжелый кинжал, который он теперь достал, прежде не раз хорошо служил ему в тесноте. Он поставил свою свечу на пол с внешней стороны проворачивающейся двери. Неслышно, невидимым Остервор последует за Кейном по переходам северного крыла, положившись на свое обрывочное знание их ловушек. Кейн, очевидно, не сможет пробираться через них в темноте; ему придется зажечь свет, и тогда Остервор подкрадется к нему сзади.

Однако Остервор не ожидал, что панель повернется и затворится после того, как он пройдет через нее.

Он медленно досчитал до пятидесяти, держа глаза зажмуренными, прежде чем двинуться. Кроме призрачного стопа шарниров, других звуков, когда дверь закрылась, не было. «По крайней мере», - сказал он себе, - «со спины меня не освещает слабый свет свечи из комнаты за стеной». Кейн, - а Остервор сначала заглянул в коридор, проверяя, нет ли там отблеска света убийцы, - вероятно, находился за пределами слышимости в поисках тайного входа в личные покои Варейшеев. Из сумочки у себя на поясе Остервор извлек новую свечу, - там оставалась еще одна и трутьница для высечения огня, - и для утяжеления обвязал ее шарфом. Ее он закрепил напротив закрытой сейчас двери, отметив ее местонахождение. Молча считая свои шаги, Остервор на ощупь пробирался по непроглядному переходу, следуя в направлении, куда вели следы Кейна.

Остервор отсчитал лишь семь шагов, когда его вытянутые пальцы наткнулись на каменную стену.

Остервор остановился перед непредвиденным препятствием, озадаченный его наличием. Он знал, что в тридцати шагах зияет люк, что на полпути вниз по первому лестничному пролету следует остерегаться проворачивающихся ступенек, уклониться от копий с пружинным приводом сразу за вторым поворотом, - эти и другие ловушки описывались в обрывках дневников, которые он отыскал. Упоминания о сплошной стене, на которую он сейчас натолкнулся, там отсутствовали.

«Поздняя переделка», - решил Остервор. В какой-то момент хозяин цитадели разделил эту систему переходов стеной. И все-таки, следы Кейна вели сюда. Пройти мимо него на обратном пути Кейн не мог никак; значит, убийце наверняка известен другой выход из

перехода. Или его ведущие обратно следы, уже не сырые, поскольку ночь снаружи шла на убыль, при первом взгляде остались Остервором незамеченными?

Остервор крадучись двинулся обратно по коридору, выискивая Кейна в противоположной стороне. В десяти шагах от места входа вытянутые пальцы Остервора наткнулись на каменную стену.

Остервор молча выругался, начиная ощущать страх. На ощупь он осторожно двинулся вдоль сплошной стены и далее назад по коридору, пока его носки не задели свечу, замотанную его шарфом.

Вспышка тлущей свечи ослепляла, а когда он поднес ее огонь к свечному фитилю, его рука дрожала. Ее света вполне хватило, чтобы заметить, что коридор замурован с обоих концов.

Дверь, через которую Остервор попал в переход, отказалась открыться, вопреки всем его хитроумным попыткам активировать ее скрытый механизм, равно как не поддались толстые дубовые панели под яростным градом его ударов.

В поисках иного пути выхода Остервор напрасно сжег большую часть единственной оставшейся у него свечи. Казалось, что следы сапог Кейна, бешено затоптанные его собственными, каким-то образом уходят в обоих направлениях и в никуда. Бросив это занятие, Остервор принялся резать дубовые панели, через которые вошел. Его последняя свеча давала свет достаточно долго, позволив обнаружить расположенную между панелями стальную перегородку, но разрешение загадки прочности потайной двери не особо обрадовало Остервора.

В наступившей долгой темноте пинки и удары Остервора не достигли большего результата, чем его же крики. Считалось само собой разумеющимся, что в северном крыле обитают привидения, и его посещали редко. Со временем его крики перешли в хрип, руки ободрались и кровоточили, тело от напрасных ударов о неподатливую преграду превратилось во множество причиняющих мучение синяков.

Удушливая пыль заставила его глотку поглощать ее еще быстрее, так что муки жажды какое-то время затмевали осознание, что воздух в переходе все более портится. Какой бы ни была циркуляция, ее не хватало для удовлетворения его потребности, и Остервор медленно задыхался внутри этой крипты. Он лежал неподвижно, сберегая силы, только мозг его бешено работал над задачей спасения. Время превратилось в бессмысленный промежуток между напрасными попытками открыть дверь; может быть, он спал, но удушливая темнота лишила ощущения количества пролетевших часов. Теперь боль от отравленного воздуха в его легких превосходила муку иссушенной глотки.

Воспрянув из безысходного забытья, Остервор осознал, что силы его угасают. Он через силу вобрал в легкие спертый воздух для последнего прерывистого стога отчаяния и швырнул истерзанное болью тело на неуступчивую дверь.

Дверь мгновенно повернулась под его весом, и Остервор упал головой вперед в комнату за ней. На полу возле его лица все еще горела свеча, которую он там оставил.

- В конце концов, время, - сказал Кейн, протягивая к нему руки, - просто относительно.

Хриплое дыхание Остервора таяло в хлопьях инея на сапогах Кейна.

- Остервор, пошли со мной.

Ситильвон предпочитала называть подвальную комнату своей мастерской. Сидя за письменным столом, она внимательно уставилась перед собой в полуисписанный лист пергамента. Ее перо опять высохло, и, чтобы не допустить клякс, она рассеянно смочила его кончик языком, - привычка, дарившая ей чернильное подобие усов, когда она засиживалась в мастерской допоздна. Она оглядела уже неподвижное тело юноши, привязанного головой вниз к Х-образной конструкции в центре комнаты. Большую серебряную чашу под висящей головой почти до краев наполняла подкрашенная кровью рвота. Ситильвон перечитала свои записи, сделанные этим вечером ранее, затем макнула чистое перо в чернильницу и завершила записи.

«Объект 3 – молодой мужчина, крепкого телосложения и здоровый. Принудительно накормлен концентратом рвоты объекта 2, помещен на каркас. В течение второго часа наблюдались резкие конвульсии, в течение третьего часа интенсивность возрастала вкупе с рвотой содержимым желудка в полном объеме, после чего скоро снизилась. По истечении четвертого часа видимые признаки жизни отсутствуют».

Ситильвон нахмурила брови и продолжила писать.

«Похоже, в продолжении данного направления исследований мало смысла. В опровержение всеобщего убеждения доказано, что соединение мышьяка и ртутной соли, когда яд, полученный путем рвоты одной жертвы, вводится следующей, не приводит к повышению токсичности.

- Очевидно, ты только уменьшила его ядовитость, - прокомментировал Кейн, читая через ее плечо. - Все равно, что утверждать, якобы клинок становится острее каждый раз, когда рассекает плоть и кости.

Перо Ситильвон уронило каплю чернил на лист, но иных видимых признаков смятения она не подала.

- Яд мог впитать эссенции смерти всех жертв, - спокойно сказала она.

- Что? В солях тяжелых металлов? – Кейн насмешничал. – Полная чушь.

Она медленно поднялась со стула и встала напротив Кейна, вернув значительную долю уверенности в себе в связи с тем, что убийца не перерезал ей глотку сразу после того, как незримо подкрался к ней.

- Мне помнится, я распорядилась не беспокоить меня. Мне позвать моих стражников?

- Сейчас они не очень-то способны повиноваться тебе, - сказал Кейн.

- Чего ты хочешь?

- Я думаю, ты должна знать ответ.

Ситильвон знала, но она знала также, что, пока они беседуют, она остается живой. Она расправила складки платья на бедрах и хладнокровно посмотрела ему в лицо. Хотя она пренебрегала уходом за своим внешним видом, она знала, что черты ее лица хороши, а ее фигура волнует редких любовников, - а Кейн, в конце концов, всего лишь мужчина.

- Ты не обычный убийца, - призналась она ему, - иначе ты бы прикончил меня сзади.

- Меня заинтересовали твои выводы из этого эксперимента, - сказал Кейн. – Поначалу же меня забавляло чтение твоего дневника. Поистине увлекательно.

- Стоило догадаться, что убийца заинтересуется практическими, а то и теоретическими аспектами токсикологии, - Ситильвон улыбнулась, тихонько двигаясь в направлении буфета. – Можно мне выпить стакан вина?

- Было бы невежливо отказать тебе, - разрешил Кейн. – Особенно методичны записи, где ты устанавливаешь токсические характеристики для каждой дозы растения аконит. Сорок детей – восхитительно!

- Выпьешь стакан со мной? - предложила Ситильвон. – Эта лоза хранится в наших подвалах с тех пор, как награблена еще при жизни моего отца. Никто из нас не сумел ее распознать.

Она разлила в два прозрачных, как лед, бокала насыщенное темно-желтое вино, а затем передала один Кейну.

Кейн наблюдал за каждым ее движением. – Другой бокал, будь любезна, - сказал он, игнорируя тот, что она предложила.

Ситильвон пожала плечами и заменила бокал. – Как пожелаешь.

Она сделала добрый глоток из своего бокала, потом заметила, что Кейн, по-прежнему наблюдавший за ней, не спешит пробовать собственное вино.

- Я уверен, ты поймешь, если я еще раз поменяюсь с тобой бокалами, - Кейн улыбнулся, вручая Ситильвон свое вино и забирая ее собственное.

- При данных обстоятельствах, я могу понять твою осторожность, - Ситильвон ответила на его улыбку поверх своего бокала. Она пила жадно, и Кейн последовал ее примеру.

Ситильвон подавила вином смех. Вино в обоих стаканах было отравлено, ибо графин, из которого она налила, содержал дистиллят желтого мака в количестве, достаточном для

убийства сотни человек. Ситильвон, чья страсть к этому редкому наркотику обусловила громадную устойчивость к воздействию, относилась к подпорченному ликеру как к приятному стаканчику на ночь, не более. Что же до Кейна, - его сон будет вечным.

Кейн осушил свой бокал. - Это один из сортов сладкого белого вина, которые, возможно, добывались в виноградниках в местах, где Южные Королевства граничат с Кросанте, - определил Кейн, - пока болезнь столетней давности, губительная для растений, не уничтожила тамошний виноград. Я мог бы точно назвать тебе виноградник и, может быть, конкретный год, не будь вино так обильно приправлено настойкой желтого мака.

Глаза Ситильвон широко раскрылись в страхе.

- Возбуждающее средство, которое я проглотил, пока ты нам наливала, - вполне достаточное противоядие, - ласково сказал Кейн. - В конце концов, у меня было достаточно времени, чтобы внимательно прочесть твой дневник, - и кое-что выяснить насчет содержимого твоего серванта. Опиум желтого мака мне знаком.

Ситильвон осознала, что биение ее сердца стало слишком быстрым, слишком прерывистым, даже с поправкой на страх. Ее грудь пронзила боль. - Когда ты поменялся со мной бокалами....

- На самом деле, он был в твоей чернильнице, - пояснил Кейн.

Все ее тело сотрясало в такт пульсу. Ситильвон схватилась за письменный стол, ноги ее стали вялыми. Руки Кейна протянулись к ней.

- Ситильвон, пошли со мной.

Пуриали обмакнул кисть из девичьих ресничек в нефритовую чашу с кровью младенца и дочертил последний астрологический символ во внутреннем круге пентаграммы за мгновение до последнего слабенького крика новорожденного. Каждое действие являлось в высшей степени сложным, но в то же время ставки были самыми высокими, а Пуриали знал, что его искусство слишком совершенно, чтобы ошибиться. Он подобрал свои одеяния мага поближе к костлявым коленям, - окажись какая-то линия в этот час стерта, случилась бы катастрофа, - и осторожно вышел из пентаграммы. Ее дальний круг касался порога двери башенной комнаты и занимал половину помещения. Держа единственную дверь на виду, Пуриали уселся за свой рабочий стол. В его пальцах находился кубик смолистого вещества, которым он создал внешний круг, а его рука висела в считанных дюймах от узкой щели, нарушавшей внешний круг. Казалось, его губы едва шевелятся, когда он тихо напевал на архаичном наречии монотонный мотив.

Ожидание тянулось дольше, чем предвкушал Пуриали, но вот, наконец, Кейн проскользнул в открытую дверь и вступил в круг пентаграммы. Пуриали хлестнул своим

странным мелком и замкнул круг. Прервав стремительное движение, Кейн замер, наблюдая за колдуном.

Пуриали вежливо кивнул в знак приветствия. – Теперь уже, - учтиво сказал он, - справляться о здоровье моих братьев и сестры по отцу, вне всякого сомнения, было бы смешно.

- Ты действительно хочешь знать? – спросил Кейн.

- Ты, конечно, не думал, что я питаю к ним какое-то братское чувство. Сами они давно бы избавились от меня, если бы мы не нуждались друг в друге. Решение проблемы состоит в том, что Я стал первым, кто осознал, что остальные – лишние.

Ухмылка Пуриали свидетельствовала о затаенной насмешке. Он наблюдал, как Кейн расхаживает по пентаграмме, видимо, изучая мастерство ее исполнения с беспристрастностью знатока.

- Полагаю, тебе, наверное, любопытно, зачем я призвал тебя к себе, - осведомился Пуриали.

Кейн прекратил ходьбу и внимательно посмотрел на колдуна. – Я ждал удобного момента, чтобы спросить.

- Разумеется, я знаю о тебе все, - с благодушной веселостью заверил его Пуриали. – Все.

- Все?

- Я призвал тебя сюда вот зачем и вот каким образом. – Пуриали поднял руку, предупреждая возражение. – Ты, несомненно, думаешь, что послан сюда свершить личную месть одной шлюхи с грандиозными мечтами, лишившейся любовника. К этому времени тебе уже следовало понять, что видимая свобода воли – лишь иллюзия.

Я призвал тебя сюда с помощью моего собственного искусства, Кейн. Я знал, что мои сводные братья и сестра ненавидят меня, единодушно замышляют избавиться от меня, как только, наконец, посчитают, что мое искусство представляет для них скорее угрозу, чем пользу. Почему бы нет? Вместе мы убили нашего отца, когда он перестал быть полезен. Но в этот раз пронизательность подвела их. Я уже стал достаточно могуч и не нуждаюсь в их дальнейшем существовании.

Пуриали извлек из-под одеяний сверкающую корону и водрузил ее на копну рыжих волос. – Корона герцогов Харнстерма, - ликуяще возгласил он, всматриваясь в яркие сверх меры голубые глаза Кейна. – Сидит неплохо, ты согласен?

- Золоту можно придать любую форму, - заметил Кейн.

- В самую точку. Без сомнения, твой неоспоримый ум доставит немало потребных мне развлечений, пока ты будешь служить моей воле.

- Ты как раз собирался объяснить...?

- Ну, я полагаю, тебе уже все очевидно, Кейн, - Пуриали поправил корону. – Кто еще сумел бы убить Венвора, и Остервора, и красавицу Ситильвон? Они были слишком бдительны, чтобы предоставить возможность мне.

- А теперь?

- А теперь ты станешь служить мне. Поскольку остальные мертвы, мне потребуется верный помощник, - тот, кто способен вести людей в битву столь же умело, как плести политические интриги. По этой причине я пощадил тебя. Когда ты станешь исполнять мои приказы, Харнстерм окажется лишь первым шагом на пути к покорению этой раздираемой раздорами страны.

- Честолюбивый замысел, - отозвался Кейн, - пусть и не слишком оригинальный. Мне, однако, жаль, что мои собственные ближайшие задачи сделают такой союз невозможным.

- Союз? – Пуриали рассмеялся. – Нет уж. Рабство, - вот что мне нужно от тебя, Кейн, - хотя ты убедишься, что для тех, кто служит мне хорошо, я – добрый хозяин.

Он поднялся на ноги и принялся размашисто жестикулировать. – Ты, наверное, уже изучил пентаграмму, в которую так любезно угодил. Все еще веришь в свободу воли, Кейн? Я призвал тебя сегодня ночью, велел убить остальных, после чего прийти ко мне в мою башню. Теперь ты заключен внутри пентаграммы, удерживаем там символами силы, олицетворяющими сокровенные тайны твоего бытия. Ты не сможешь сбежать из пентаграммы, пока я не освобожу тебя, Кейн, - а я это сделаю только после того, как обяжу тебя повиноваться мне посредством некоторых неотменяемых клятв и договоров, которые не посмеешь нарушить даже ты.

Пуриали наслаждался своим триумфом. – Ты видишь, Кейн, какими бы исключительными не были твои способности, я знаю, что ты не обычный убийца и авантюрист. Я знаю, кто ты такой.

Колдун выразительно жестикулировал. – Кейн, сын Адама, рожденный Евой, ты в моей власти и моя власть единолична. В течение бесчисленных веков ты следуешь своей проклятой судьбе, но с этой ночи ты будешь следовать только велениям моей воли. Я увидел твой жребий в звездах, и астрологические символы твоего рождения заточили тебя, бессильного, внутри пентаграммы.

- Очень впечатляюще, - признал Кейн. – Твоя работа сделала бы честь гораздо более опытному колдуну, чья мудрость непостижима никому в этом провинциальном болоте. Ты допустил всего несколько ошибок, но, к сожалению, это искусство не из тех, которые познаются через опыт.

Со временем даже звезды меняются, - пояснил Кейн, небрежно выступая из пентаграммы, - и ваши созвездия – не созвездия моего рождения.

Пуриали отпрянул, упершись в стену башни, в тщетном поиске пути бегства.

- И парадоксально, что тебе не известно, что Ева – лишь мачеха мне, - продолжал Кейн, протягивая к Пуриали руки, - ведь я серьезно подозреваю, что в твоих жилах есть капля моей крови.

Пуриали, пошли со мной.

4.Полная уплата.

Тамаслей пробудилась от снов о Джосине и обнаружила Кейна сидящим возле ее кровати. Это зрелище было не из приятных, и, как бы защищаясь, она укутала одетые в шелк плечи меховыми покрывалами. Вспомнив про кинжал с узким клинком в ножнах, находящихся прямо за передней спинкой кровати, она вновь обрела самообладание.

- Чего ты хочешь, Кейн, - ее голос был удивительно ровным.

- Платы. Я выполнил свою часть нашего соглашения.

Тамаслей поворошила фитиль ночника, превратив его уютное сияние в яркий свет, разделивший комнату на тени. Фигура ее под полупрозрачным шелком была гибкой.

- Несомненно, есть доказательство? – глаза Тамаслей уставились на большую сумку, что принес Кейн. Ее кожаные складки выглядели слишком дряблыми, чтобы вместить те свидетельства, которых она ждала.

Тон Кейна был сух, но не содержал ни злобы, ни презрения. – Тамаслей, я отдаю их тебе в соответствии с нашим договором.

Он взял ее руку и уронил ей на ладонь несколько блестящих предметов.

Первая мысль Тамаслей заключалась в том, что это драгоценные камни, потом она увидела, что это нечто большее. То были четыре продолговатых значка, вырезанные из какого-то кристалла, похожего на гагат, размером приблизительно с первую фалангу ее большого пальца, необычайно тяжелые для своего размера и странным образом теплые на ощупь. Каждая содержала на плоской стороне резьбу, и каждая резная фигура отличалась от других: дракон, паук, змея и скорпион.

- Я не уверена, что понимаю шутку, Кейн. Я наняла тебя убить клан Варейшеев, и, пока ты не принес мне их головы в знак доказательства того, что выполнил наше соглашение, я настаиваю на том, чтобы дождаться новостей об их смерти, прежде чем выдам тебе плату.

Она ожидала возражения, но голос Кейна был терпелив. – Ты не просила меня убить клан Варейшеев, ты сказала, что желаешь купить их жизни. Ты выразилась предельно ясно.

- Раскрой смысл своей шутки, Кейн.

- Это не шутка. Ты заключила договор на покупку четырех жизней. Я забрал четыре жизни. Ты держишь их в своей руке: Венвор, Остервор, Ситильвон, Пуриали.

- Ты считаешь меня душой! – Тамаслей украдкой потянулась к спрятанному кинжалу.

Кейн взял с ее руки значок с вырезанной на нем змеей и прижал ей ко лбу. На мгновение Тамаслей замерла, затем отшатнулась, резко содрогнувшись.

- Секрет почти утерян, - сказал Кейн, - но я считал, что ты понимаешь, когда соглашалась с нашим договором, и я забрал их жизни, как обещал.

- А что с их материальными телами? – Тамаслей более не сомневалась.

Кейн пожал плечами. – Бездыханная падаль. Может быть, их слуги сошлись на том, чтобы сжечь тела на погребальном костре из наворованных сокровищ, может быть, оставили их воронам. Остатки их жизненной силы заключены в этих значках.

- И что мне делать с ними?

- Все, что пожелаешь.

- Если я разобью значки?

- Их жизненная сила освободится и воскресит их прежнюю плоть, то, что от нее останется. Каким бы мимолетным не оказалось это переживание, приятным оно не станет.

Тамаслей поднялась с кровати и уселась за туалетный столик. Один за другим она бросала значки в ониксовую ступку, ожесточенно долбя пестиком. Под ее решительными ударами кристаллы дробились, резко раскалываясь на тысячи тусклых гранул. Звук их дробления походил на вопль страдания.

Закончив, Тамаслей, словно бы воскресив в памяти давний сон, вспомнила о присутствии Кейна. – А корона? – спросила она, придя в себя.

Кейн извлек из недр своей сумки корону Харнстерма. – Варейшей в ней больше не нуждаются.

Тамаслей выхватила ее из его руки и уставилась в зеркало. Ее глаза горели, когда она взгромоздила корону на голову.

- Остается вопрос оплаты, - напомнил ей Кейн.

- Конечно! И ты убедишься, что я более чем щедра.

- Я требую только ту плату, которая была оговорена. Игра бессмысленна, если пренебрегать ее правилами.

Тамаслей отперла окованную железом дверь шкафа, тогда как Кейн раскрыл свою сумку. Друг за другом она их вытащила: четыре тугих кожаных кошель, на каждом тяжелом кошельке было кровью написано имя. Друг за другом они исчезли в темных недрах сумки Кейна.

- Я хранила наготове эти сорок марок золотом, как обещала, для тебя, - пояснила Тамаслей. – Также я твердо намерена уплатить тебе за эту корону полную цену. Однако, на руках у меня недостаточно золота для оплаты по справедливости. Когда ты заглянешь ко мне завтра вечером, я полностью уплачу то, что ты заслужил.

Тамаслей рассудила, что к тому времени она сумеет найти с полдюжины достаточно умелых и гораздо менее дорогостоящих убийц, чтобы устроить Кейну ловушку.

- Корона в твоем распоряжении, - внезапно сказал Кейн. - Я почти уверен, Джосин желал, чтобы ты получила ее.

Он указал пальцем в недра ее шкафа. – Как только ты вытащишь фальшивые шляпки гвоздей слева непосредственно над и под средней полкой, замок на фальшивом дне откроется. Передай мне то, что ты найдешь внутри, в счет оплаты, и это интереснейшее задание будет выполнено.

Тамаслей гневно закусила губу, недоумевая, как Кейн узнал о секретном отделении шкафа. Но он был не так умен, как думал, ибо фальшивое дно не таило ничего по-настоящему ценного, - повезло, что Кейну не было известно о потайном местечке под камином.

К ее удивлению, пальцы сомкнулись на толстом кожаном кошельке. Она с изумлением вытащила его наружу. Это был массивный кошель, отягощенный золотом, точь-в-точь такой же, как те четыре. Тамаслей пялилась на него, вертя в руках.

На нем было имя, написанное кровью: Тамаслей.

Она вспомнила о кинжале с узким клинком возле кровати, потом увидела, что он находится сейчас в руке Кейна.

- Джосин знал, что ты посылаешь его едва ли не на верную смерть, - сообщил ей Кейн, подступая. – Прежде, чем отправиться, Джосин пришел ко мне, и мы заключили договор.

Лакуны

Они отдыхали в горячей ванне из красного дерева, так и не разомкнув объятия, над их телами с бульканьем плескалась вода. Элейн смотрела, как горячий водоворот подхватывал ленты ее семени, кружил их, словно выстрелянные конфетти, рассеивая в завихрениях.

«Я рассеялась», - подумала она. Элейн сказала: - Я чувствую себя родившейся заново.

Эллен поцеловал ее затылок и коснулся кончиками пальцев смягчившихся сосков. — Твои груди становятся такими полными. Ты используешь эстрогены?

Его опавший пенис, еще скользкий от вазелина, освобождаясь из жопы Элейн, пощекотал ее. Правая рука Эллена окунулась в теплую воду, выдавила из вялого члена Элейн последние капли оргазма. Он мягко перевернул Элейн, нежно поцеловал ее, - глубоко просунув язык ей в рот.

- Вот, - сказал Эллен, прервав поцелуй. Он надавил на плечи Элейн, побуждая ее скрыться под пенящейся поверхностью. Элейн согнула колени, нырнула в воду, кружащуюся водоворотом вокруг бедер Эллена. Когда Эллен сложил руки на ее голове, Элейн открыла рот, чтобы взять скользкий член Эллена. Когда она всосала его на полную длину, она почувствовала сладковатый привкус собственного говна. Внезапно разбухнув, член заполнил ее рот, твердея по мере того, как пропихивался глубоко ей в глотку.

Элейн подавилась, попыталась отпрянуть, но руки Эллена крепко прижали ее голову к своим лобковым волосам. Вода наполнила ноздри Элейн, когда она подавилась и, подчиняясь неуправляемому рефлексу, укусила. Отделенный член Эллена, откушенный у основания, спружинил внутрь, скользнув вдоль задней стенки горла и вниз, в трахею.

Элейн вырвалась из рук Эллена. Кровь и сперма наполнили ее легкие, извергнувшись изо рта непотребным фонтаном, в то время как ее голова устремилась на поверхность. Но, как ни отчаянно она боролась, вырваться на поверхность голова не могла. Возникла черная упругая пленка, отделившая ее от воздуха наверху, словно воск, покрыла ее лицо, затолкнула рвотную массу обратно в легкие.

Водоворот крови и семени всосал ее душу в теплую пучину.

Первым, что она услышала, стало монотонное «черт-черт-черт», - будто осенние листья царапали окно. Она почувствовала резкое давление на брюшную полость, - от извергавшейся изо рта рвоты. Она задыхалась.

Она открыла глаза. Пленка облегающей черноты исчезла.

- Черт подери, - сказал Блэклайт, вытирая рвоту с ее лица и ноздрей. – Никогда больше не пробуй этого в одиночку.

Элейн безмолвно глядела не него, в ее мозг возвращался кислород.

Возле нее на ковре лежала садомазохистская маска, - с обрезанными ремешками и шнурками. Прикрепленный к ней фаллосовидный кляп, почти перекушенный, был покрыт ее рвотой. Шипастый кожаный ремень, тоже изрезанный, намотался на маску.

- Боже! – сказал Блэклайт. – Ты сейчас в норме?

Он заворачивал ее в одеяло, заботливо подтыкая его. Где-то гудело, у нее в голове или в тазу, - точно она не знала. Память возвращалась.

- Мне снилось, что я мужчина, - сказала она, заставляя горло говорить.

- Верно, блядь. Тебе чуть не приснилось, что ты мертва. У меня в Наме был приятель, который занимался этой типа херней. Когда его нашли, он уже два дня как был мертв.

Элейн посмотрела вверх, на перекладину для подтягивания, приделаннуюверху дверного проема ее прихожей. Кожаная маска с подбитой глазной накладкой и кляпом, - лишение чувств и чувственная извращенность, - отрезает от мира. Ремень был обернут вокруг ее шеи, свободный конец находился у нее в руках, когда она оттолкнула табурет. Когда от недостатка кислорода она теряла сознание, пряжка ремня должна была ходить свободно. Однако пряжка сцепилась с группой пряжек садомазохистской маски, вместо освобождения почти задушив ее. Друзья, показавшие ей, как при помощи этой методики переживать видения внутренней реальности, предупреждали ее, но до сих пор проблем не возникало. Ничего тяжелее обратной регулировки устройства.

- Я услышал, как ты колотишь по полу, - пояснил Блэклайт, щупая ее пульс. Он был военным медиком, пока его не уволили по разделу восьмому, - а у грубого, подверженного приступам ярости медика ростом в шесть футов восемь дюймов будущего нет. – Подумал, что ты, наверное, с кем-то трахаешься, но были сомнения. Я взломал твою дверь.

Хорошенькое дело, - справиться с двумя замками и цепочкой, но Блэклайт был способен это сделать. Ее сосед по спаренному лофту уехал на прошлой неделе, а пиццерия на нижнем этаже переделывалась в вегетарианский ресторан.

Элейн могла бы пролежать мертвой тут, на полу, до тех пор, пока кости не отшлифуют ее кошки.

- Мне снилось, что у меня есть член, - сказала она, массируя себе шею.

- Может, тебе до сих пор снится, - ответил ей Блэклайт. Он посмотрел на свои руки и направился в ванную умыться их.

Элейн гадала, что он имел в виду, потом вспомнила. Она потянулась и щелкнула выключателем вибратора на гротескном дилдо, который застегнула на тазу. Закутавшись в одеяло, она бросила его к ногам и стала ждать, когда Блэклайт выйдет из ванной.

Избавившись от остальной одежды и помывшись, она надела кимоно из китайского шелка и отправилась искать Блэклайта. Она чувствовала легкое смущение. От дешевого героя в Наме до губительной «кислоты» в Хейте, - большую часть жизни с головой у Блэклайта было не в порядке. Он являлся более надежным доставщиком, чем колумбийцы, и старые связи давали средства к существованию ему и его вредным привычкам.

Блэклайт стоял в середине ее мастерской, - лофт был всего лишь одной большой комнатой с несколькими полками и стойками, разделяющими пространство, - рассеянно глядя на недописанный холст.

- Тебе стоит рассмотреть свою модель поближе, иначе у тебя получится урод. – Холст, размером в стену, некогда заказанный и так и не оплаченный стильным садомазобаром, впоследствии закрывшимся. Блэклайт указал. – Яйца не висят рядом, как тут. Одно болтается немножко ниже. Даже лесбиянке следует знать это.

- Она не завершена, - сказала Элейн. Она разглядывала мешочек с белым порошком, который Блэклайт положил ей на прилавок.

- Хочешь знать, почему?

- Что?

- Так они не стучаются друг о друга.

- Кто не стучается?

- Твои яйца. Одно проскальзывает мимо другого, когда ты сжимаешь ноги.

- Потрясающе, - сказала Элейн, окунув ноготь в порошок.

- Тебе это нравится?

- Про яйца. – Облизывая палец, Элейн почувствовала привкус кокаина.

- Необработанные перуанские калики, - заверил Блэклайт, забыв прежнюю тему.

Элейн поднесла ноготь к ноздрям на пробу. Звонкая горечь кокаина перебила остаточный запах рвоты. Клево.

- Это как инь и ян, - объяснял Блэклайт. – Добро и Зло. Свет и Тьма.

Сумасшедшего большого байкера не исправить. Он тер друг о друга свои кулаки. – Ты когда-нибудь слышала историю о Любви и Ненависти? – На суставах пальцев его правого кулака было вытатуировано ЛЮБОВЬ; левого – НЕНАВИСТЬ.

Элейн смотрела «Ночь охотника», и она не впечатлила ее.

- Унция?

- Большущая оу-зи. – Пальцы Блэклайта боролись друг с другом. – Им нужно держаться порознь, Любви и Ненависти, но они не могут удержаться от того, чтобы не сойтись и не попытаться выяснить, кто из них сильнее.

Элейн выдвинула ящик под телефоном и отсчитала купюры, отложенные заранее. Блэклайт забыл про свое подражание Роберту Митчему и принял деньги.

- У меня пять картин, которые надо закончить прежде, чем откроется мое шоу в Сохо, ясно? Это будет в следующем месяце. Сейчас конец месяца. Меня выебали в жопу, и у меня напрочь отсутствует вдохновение. Так что отвали от меня теперь и проваливай, хорошо?

- Только не перебери с этой херней, ладно? – предостерег Блэклайт. Он вытянул толстую шею, желая рассмотреть еще один недописанный холст. Он напомнил ему о ком-то, но он забыл, о ком именно, раньше, чем сумел сформулировать мысль.

- Твой мозг похож на твои яйца, ты это знаешь? – Он вернулся к теме последнего разговора, который мог вспомнить.

- Нет, я этого не знаю.

- Два куса вертятся внутри твоего черепа, - сказал Блэклайт, сцепив кулаки. – Они плавают в твоем черепе бок о бок, точно так же, как в мошонке проворачиваются твои яйца. Почему в твоем мозге две половины вместо одной большой глыбы, - как, например, в сердце?

- Сдаюсь.

Блэклайт помассировал кулаки друг о друга. – Смотри, так они не стучаются друг о друга. Их нужно держать порознь. Любовь и Ненависть. Инь и ян.

- Слушай, мне надо работать. – Элейн вытряхнула из мешочка на стеклянную поверхность журнального столика грамм порошка.

- Конечно. Ты уверена, что у тебя все будет в норме?

- Больше никаких острых безкислородных ощущений с маской. И спасибо.

- У тебя есть пиво?

- Поищи в холодильнике.

Блэклайт нашел «Санкт-Паули», и, клацнув, большим пальцем открыл пробку без резьбы. Элейн подумалось, что он смахивает на чернобородого вуки.

- У меня в Наме был приятель, который откинулся, пробуя это, - вдруг вспомнил Блэклайт.

- Ты уже рассказал мне.

- Как говорится, каждый ловит кайф по-своему. Только не жми на газ, когда не готов.

- Хочешь нюхнуть?

- Нет. Я завязал с Чарли. Задолбал мне мозги. – Глаза Блэклайта остекленели и пытались сфокусироваться. – Бей чертовых динков, - сказал он. – Бей их всех. – Когда он протянул руку, чтобы прикончить пиво, открылись схлестнувшиеся с татуировками следы старых уколов.

– Ты уверена, что у тебя все будет в норме? – Он потащил новую бутылку пива, стоявшую за салатом из тунца.

Элейн была на фут ниже и на сотню фунтов легче, а для того, чтобы уstrasить Блэклайта, тренированных аэробикой мышц было мало. – Слушай. Я сейчас в норме. Спасибо. Просто дай мне вернуться за работу. Ладно? Хочу сказать, что в этом городе воистину тяжело с тем, что касается крайних сроков.

- Хочешь метамфетамина? По убойной цене.

- Уже есть. Слушай, думаю, еще чуть-чуть, и я стану блевать. Не хочешь оставить мне немножко личной жизни?

Блэклайт опустил бутылку пива в карман рубашки. – Расслабься. – Он тронулся к двери. Бутылка пива у него в кармане смотрелась так, будто была не больше ручки.

- О, - сказал он. – Я могу предложить тебе кое-что получше. Новенькое. Стирает в твоей голове белые пятна. Недавно встретил нового типа, который совершил переворот в измененных наркотиках. Чудной чувак. Работает над каким-то новым видом амфетамина.

- Я возьму немного, - сказала Элейн, открывая дверь. Ей действительно необходимо поспать с неделю.

- Увидимся, - пообещал Блэклайт.

Он задержался в дверях, порылся в кармане куртки из джинсовой ткани. – Превосходный ЛСД, - сказал он, вручая ей квадратик запачканной бумаги с рисунком дельфина. – Очень вдохновляет. Принимай его и цветы. Ты уверена, что у тебя все будет в норме?

Элейн закрыла дверь.

Мистер Почини обещал прийти завтра, или, в крайнем случае, утром послезавтра.

Цепочку Элейн заменила цепочкой с двери в ванную, вбила на место вырванные и бесполезные теперь запорные штифты ради собственного успокоения, потом подперла

дверную ручку деревянным стулом. Почувствовав себя лучше, она натянула трико и отведала около грамма того-сего.

Она работала весьма упорно, и распылитель немного шумел, хотя ее стереосистема все равно заглушила бы большую часть звуков в случае чьего-то вторжения.

- Это голубой, - сказал из-за спины Кейн. – Лазурный, конечно же, - но зачем? Он представляется мне несовместимым с утрированными телесными тонами, над которыми вы так усердно ломали голову и которые транжирили, добиваясь смущения на лицах двух любовников.

Элейн не закричала. Не было никого, кто услышал бы. Очень осторожно она повернулась. Один друг как-то рассказал ей, как реагировать в таких ситуациях.

- Вы искусствовед? – Стул по-прежнему подпирает ее дверь. Пожалуй, он стоял слегка криво.

- Всего лишь дилетант, - соврал Кейн. – Увлеченный меценат уже много лет. ЭТО - не женский «герб».

- Он и не обязан таковым быть.

- Возможно.

- Я с минуты на минуту я ожидаю своего парня. Он приведет нескольких заказчиков. Вы их ждете?

- Ко мне обратился Блэклайт. Он считал, что для того, чтобы завершить вашу коллекцию для галереи, вам не помешает что-нибудь покрепче.

Элейн решила перевести дыхание. Он был большим, очень большим. Его тренч с пояском мог бы вместить двух таких, как она, и зонтик в придачу. «Байкер, друг Блэклайта», - была ее первая мысль. Они еще не совсем решили, стать ли им наемными убийцами у мафии, или завербоваться к ней для участия в доходной торговле наркотиками. Он был на голову ниже Блэклайта, весил же, наверное, больше. Жира в нем не было. Движениями он напомнил Элейн ее тренера по каратэ. Его лицо, несмотря на отсутствие шрамов, наводило на мысли о нападающем NFL, завалившем рекламную пробу. Его волосы и короткая борода были чуть темнее, чем ее крашеный хной ежик под Грейс Джоунс. Ей не понравились его голубые глаза, - она поспешно отвела взгляд.

- Вот, - сказал Кейн.

Из его лопатоподобной руки она взяла двухграммовый стеклянный пузырек, - штукovina, встречающаяся в мелких магазинах наркопринадлежностей, с ложечкой на алюминиевой цепочке.

- Сколько? – В ящике под телефоном лежал баллончик «Мейса». Она подумала, что он не поможет.

- Новая партия, - сказал Кейн, присаживаясь на ручку самого большого кресла. Он обрел равновесие, но Элейн вздрогнула. – Попытка воссоздать наркотик, утраченный очень давно. Совершенно легальный.

- Насколько давно?

- Ранее всего, о чем вы могли бы помнить. Это супер-ускоритель.

- Супер-ускоритель?

Кейн опустился в кресло как следует. Оно выдержало его вес. Он сказал: - Вы можете вспомнить все, что происходило с вами, или все, что вы сделали за последние двое суток.

- Конечно.

- Расскажите мне, что было этим утром в 11:38.

- Хорошо. – Элейн готова была принять вызов. – Я была в душе. Я не спала всю ночь, работая над картинами для шоу. Я позвонила на автоответчик своему агенту, потом приняла душ. В дальнейшем думала немного позаниматься ТМ, прежде чем вернуться к работе.

-А о чем вы думали этим утром в 11:38.

- О выставке.

- Нет.

Элейн решила, что прыгать к телефону слишком рискованно. – Я забыла, о чем именно думала, - признала она. – Хотите кофе? – Горячий кофе в лицо, - возможно, работает.

- Что занимало ваши мысли прошлым вечером в 9:42?

- Я готовила кофе. Хотите...?

- В 9:42. Точно в это время.

- Хорошо. Я не помню. Думаю, я щелкала кабельные каналы. Может быть, мечтала.

- Лакуны, - сказал Кейн.

- Чего?

- Пробелы. Выпавшие фрагменты. Выпавшие из памяти периоды. Время, пропавшее из твоего сознания, и так - на протяжении всей жизни. Куда? Зачем?

Он покатал пузырек по широкой ладони. – На самом деле, никто не помнит каждый миг жизни. Всегда есть забытые мгновения, мечтания, размышления, - что угодно. Это время, пропавшее из твоей жизни. Куда оно уходит? Ты не помнишь. Ты даже не помнишь, как забыла то мгновение. Часть твоей жизни пропадает с пустыми мгновениями, с провалами в абсолютном сознании. Куда уходит твоя сознательная мысль? И зачем?

- Это, - он кинул ей стеклянный пузырек, - устранил такую пропажу мгновений. Никаких пробелов в твоей памяти, - сомнений, где ключи от твоей машины, где ты оставила солнцезащитные очки, кто звонил перед обедом, что было первой твоей мыслью, когда ты проснулась. Лучше амфетамина или кокаина. Полное осознание своего абсолютного сознания. Больше - никаких лакун.

- У меня совсем нет наличности.

- Бесплатно. Считайте это пробным образцом.

- Я знаю, первый раз – даром.

- Это будет зеркалом, не так ли. – Кейн вернулся к недописанной картине. – Синий наводит меня на мысли о воде. То есть некто занимается любовью с отражением.

- Некто, - сказала Элейн.

- Нарцисс?

- Я называю ее «Вылижи до крови».

- Я непременно буду присутствовать на открытии.

- Его не состоится, если только меня не оставят в покое, дав работать.

- Тогда я пошел, - Казалось, Кейн очутился на ногах, не поднимаясь с кресла. – Кстати, я бы не стал совать его. Новое лабораторное оборудование. Насчет примесей никогда нельзя быть уверенным.

- Я вообще не люблю иглы, - ответила ему Элейн, погружая в пузырек присоединенную к нему ложечку. Она осторожно вдохнула, раздражения не почувствовала. Вроде нет эффекта. Она еще раз наполнила ложечку.

Она закрыла глаза и глубоко вдохнула. Она уже чувствовала кайф. Блэклайт в кои-то веки навел ее на что-то стоящее.

Она пробовала следующую ложку, когда до нее дошло, что она опять одна.

Блэклайт закупорил крышку бака промышленного химиката и допил пиво. Тело бывшего владельца лаборатории изменения наркотиков удобно устроилось внутри. Пусть вместе с остальными валит на свалку нелегальных токсичных отходов. Некоторые мудаки никак не способны понять, куда дует ветер.

- Ты правда приземлился на летающей тарелке? – спросил он, залезая в кулер за новым пивом.

Кейн хмурился над хроматограммой. – Именно. Очень похожей на колпак от «Крайслера-3000» 1957 года.

Блэклайт ломал голову над этими словами, пока глушил пиво. Самая хорошенькая девочка в его младшей средней школе, - у ее семьи был белый 3000-й кабриолет. Была ли тут связь?

- Тогда почему ты так хорошо говоришь по-английски?

- Я был дублером Тура Джонсона в «Плане 9 из открытого космоса». Сделали, наверное, сотню дублей, прежде чем сняли это как надо.

Блэклайт подумал над этими словами. – Ты был знаком с Белой Лугоши?

Сосредоточенно глядя в монитор, Кейн ткнул в клавиатуру компьютера. – Мне придется достать аппаратуру получше. Где-то тут присутствует метильная группа, которой там быть не должно.

- Это плохо?

- Есть возможность усилить действие. Давай думай о новом подопытном кролике.

Впервые она почувствовала свои руки.

Электронные часы рядом с ее кроватью сообщали, что сейчас 1:01:36 ночи. Она отвлеклась от картины и обратила внимание на руки. Они были в пятнах табака и вымазаны краской, а ногтям требовался маникюр. Разве можно творить такими руками?

В течение сорока трех секунд Элейн пристально глядела на руки, не заметила признаков улучшения. С затылком тоже было не все в порядке; в нем ощущалось покалывание, как в прошлом году, когда начал расти ее ирокез. Вино не помешает.

В холодильнике стояла открытая бутылка «Либфраумильха». Она налила бокал, глотнула, с отвращением отставила. Следующие восемьдесят шесть секунд Элейн думала о вине, дважды прочтя этикетку. Она сделала себе замечание, - никогда не покупать его снова. Порывшись в коробке из-под пакетиков сахарозаменителя, она нашла полтаблетки, запила ее вином.

Она вернулась к «Вылижи до крови» и в течение следующих одного часа, тридцать одной минуты и восемнадцати секунд исступленно работала, с полной концентрацией и все возрастающей неудовлетворенностью.

Ее кожа зудела.

Еще семь минут девятнадцать секунд Элейн сердито смотрела на картину.

Она решила позвонить Эллину.

Ей ответил записанный голос страдающего бессонницей человека. Номер, который она набрала, больше не состоял на обслуживании. Будьте любезны...

Элейн постаралась мысленно представить Эллена. Как давно это было? Ее кожа зудела.

Она оставила его, или же он прогнал ее? И на самом деле, имеет ли это значение? Она ненавидела его. Она всегда ненавидела его. Она ненавидела все то, чем она была прежде.

Ее тело ощущало себя странно, словно было телом постороннего человека. Трико стесняло ее в промежности. Дурацкий дизайн.

Элейн сняла трико и колготки. Ее кожа по-прежнему зудела. Будто в агонии превращения гусеницы. Смертельная агония прежней жизни. Гусеница ненавидит мотылька?

Она думала об Эллене.

Она думала о себе.

Любовь и ненависть.

На двери ее стенного шкафа располагалось зеркало в полный рост. Элейн вгляделась в свое отражение, лаская свои груди промежностью. Она приблизилась, прижалась к зеркалу, принявшись тереться об отражение. Заниматься любовью с самой собой.

Ненавидя.

Прижавшись к своему отражению, Элейн не могла не заметить на когда-то плоской груди тончайшие шрамы там, куда пластический хирург имплантировал силикон. Трогая искусственно созданное влагище, Элейн не могла подавить воспоминания об операции по смене пола, осознание своей прежней мужской сущности.

В памяти – каждый миг. Удовольствия. Боли. Желания. Ярости. Ненависти. Ненависти к себе.

Бытия Элленом.

Ее кулаки дубасили отражение, разбивая его на тысячу хрупких мгновений.

Кровь сочилась из кулаков, текла по рукам, образовывала на грудях и животе извилистые узоры.

Она лизнула свою кровь, и нашла ее приятной. Она пролилась за нее.

Сжав осколки зеркала, Элейн прошествовала к своей недописанной картине. Она встала перед изображениями в натуральную величину, любя и ненавидя то, что сотворила.

Ее кулаки двигались по холсту, полосую его безумными узорами.

Возьми. Это мое тело. Данное мне.

Блэклайт приканчивал холодную пиццу с анчоусами и черными маслинами. Он обратил внимание на свои масляные руки, испачканные соусом, вытер их о джинсы. Пятна немного изменили свое положение. Он облизал татуированные костяшки.

Где-то шел дождь, поэтому под крышей старого склада монотонно темнело. Он наблюдал за Кейном. Или гориллой Лайонела Этуилла, вырвавшейся из клетки в лабораторию. Или Рондо Хэттоном в роли мистера Хайда.

- Так что такое лакуны?

Кейн изучал каталог биохимической продукции. – Пробелы. Ямы. Пустые места.

- Места – это важно, - сказал Блэклайт. Он сложил испачканные пиццей кулаки костяшками вместе и придавал им вращение. – Ты знаешь, как работают атомные бомбы?

- Когда-то их уже конструировали, - сказал Кейн. – Они переоценены.

- Берешь два куса плутония или чего-то такого, - поведал ему Блэклайт. – Больших, как твой кулак. Оставляешь, значит, место между ними, и она безвредна. Но.., - тут он стукнул кулаками друг о друга, - ...тресни их друг о друга. Критическая масса. Кирдык.

Он прервал лекцию взрывной отрывкой. - Вот зачем всегда должно оставаться место, - заключил Блэклайт. – Как две половинки твоего мозга. Ид и эго. Инь и ян.

Мужское и женское. Эти пробелы должны оставаться даже в твоих мыслях, - мгновения мечтаний, забвений, рассеянности. Что получается, когда ты заполняешь лакуны?

- Критическая масса, - сказал Кейн.

Зеркало являлось дверью, помутневшей и скользкой от вкуса крови. Стиснув яростные осколки стекла, Эллен и Элейн ждали с противоположных сторон, ждали, когда один из них прорвется к другому.

Жестокое соприкосновение

Ночь сгущалась слишком быстро. В свинцовом небе сверкала молния. Раскаты далекого грома звучали уже не так далеко. По небу в поисках укрытия проносились чернокрылые птицы. Эльрик понюхал воздух, откинул с лица белые волосы. Конь беспокоился под его бедрами.

Мунглум досадливо оглядел горизонт. Они проскакали весь день. От человеческой погони они пока что отделались, но буря быстро настигала их. — Нам нужно найти какое-нибудь убежище.

- ОНИ искать убежища не будут. — Эльрик напряг память. Он не был знаком с достопримечательностями той части страны, через которую они спасались бегством, но он помнил болтовню о разрушенном замке, где якобы обитали привидения. Легенда такого рода способна отпугнуть чужих, и лучше отбиваться за стенами, если до того дойдет, чем оказаться, как лиса, затравленным.

Гроза стала ближе. Ни Эльрик, ни Мунглум не услышали удара, когда молния разодрала землю прямо позади них. Пришлось вцепиться в седла, когда их охваченные паникой кони стремглав рванули сквозь внезапный ливень.

- Туда! — крикнул Эльрик. Разорванное молнией небо явило взору каменные стены впереди. Они с Мунглумом старались совладать со своими конями, кое-как направив их на полном скаку в пролом, в обнесенное стеной пространство.

- Там свет! — показал Мунглум, когда они пересекли внутренний двор. В пропитанном дождем ветре Эльрик почуял дым. Большая часть внутреннего строения еще стояла, хоть и разрушилась частично. То, что, по-видимому, было самым замком, сохранило остатки крыши. Сквозь его зияющие ворота виднелся огонь.

Снова ударила с грохотом молния. Эльрик и Мунглум двинули коней через дверной проем замка, не беспокоясь о том, с кем могут столкнуться. Внутри помещения было довольно сухо, даже, пожалуй, затхло из-за давнего запустения. В массивном очаге пылал сильный огонь. Сломанный стол был уставлен едой и вином. И не было никого.

- В этом замке должны обитать привидения? — Мунглум изучал тени этой похожей на пещеру комнаты. Немного избежал обращения в прах, сгнившие гобелены, полуразвалившаяся мебель. Кто бы ни разрушил замок, разграбить его он не задержался.

- Во ВСЕХ разрушенных замках обитают привидения, - сказал Эльрик, спешиваясь. - Во всяком случае, таково общепринятое мнение. Теперь привяжи наших коней. Кто-то здесь живет, и мы воспользуемся этим огнем.

Пока Мунглум занимался лошадьми, Эльрик избавился от плаща и согрелся у огня. Худенький альбинос плохо переносил холодную, дождливую ночь. Он обратил внимание на еду и питье на столе. Три прибора. Сыр, хлеб, холодная дичь, яблоки, вино и, - Эльрик деликатно понюхал бутылку, - бренди. Он налил бренди в чашу ярко-красного стекла. Место его изготовления он определить не мог, но оно оказалось превосходного качества и согрело его.

Мунглум вернулся от коней и чуть не выбил чашу. – Там может быть яд!

- Кто же знал, что я здесь буду? – После неполных двух дней бегства Эльрик обессилел. Он отломил кусочек хлеба. – Попробуй дичь, Мунглум, и, если она отравлена, сообщи мне.

- Приготовлено три места, - заметил Мунглум. - А здесь никого нет. И где ты в это время года найдешь свежие яблоки? Говорю тебе, в этом замке обитают привидения.

- Этот огонь развели недавно, - сказал Эльрик. - Наши хозяева – тоже путешественники, ищущие на ночь убежище. Когда разразилась буря, они выскочили, чтобы позаботиться о конях и вещах. Я уверен, что скоро они к нам присоединятся.

В образовавшихся в стенах и крыше замка щелях штормовые ветра стонали столь неистово, что Эльрик не сразу слышал слабый стон Буреносца.

Положив руку на эфес рунного меча, Эльрик уставился на пустой дверной проем.

Молния зажгла ночь. Проем уже не пустовал.

То был мужчина чрезвычайно крупный по человеческим меркам, одетый в кольчугу, кожаные штаны, высокие сапоги, и развевающийся черный плащ. Несмотря на дождь, его длинные рыжие волосы истрепались на ветру. Во вспышке молнии показалось, что глаза его горят холодным синим огнем. В левой руке он держал длинный меч; в правой – человеческую голову.

Молния потухла.

Эльрик обнажил Буреносца.

Мужчина уже находился возле огня.

- Мы оба любим драматические выходы, - сказал мужчина. Он поднес к свету отрубленную голову. – Узнаешь его?

Эльрик внимательно посмотрел. – Это герцог Брейднор. Он со своими людьми охотится за мной.

- Ну, теперь уже нет. – Мужчина отер с меча остатки крови и вложил в ножны за плечом. – Ты тоже можешь убрать Буреносец. Те из головорезов Брейднора, что уцелели, удирают домой. Несколько тел я оставил за стенами. Вряд ли остальные попробуют еще раз. Я, собственно, знаю, - они не будут. Я надеюсь, вы еще не выпили это бренди. Нам предстоит длинная ночь.

Пока Эльрик с сомнением разглядывал его, тот налил себе чашу бренди. Его волосы и борода были рыжими, черты – немного жестокими, а в голубых глазах присутствовало нечто, вызывающее беспокойство. Эльрик оценил его рост примерно в шесть футов, вес же его при такой груди мышц должен был быть громадным, - однако, двигался он, словно кошка. Эльрик вложил Буреносец в ножны.

- Мудрое решение, - сказал незнакомец, прихлебывая бренди. - А теперь, Мунглум, убери, пожалуйста, свой меч и что-нибудь сделай с этой головой. Только не швыряй ее в огонь. Я уже подал холодный обед.

Он плюхнулся в одно из свободных кресел. Оно закрипело, но выдержало его вес. - Почти такое же прочное, как Рубиновый Трон, как ты думаешь, Эльрик?

Эльрик занял другое кресло и подлил бренди. Он устал, а положение менялось слишком быстро. – Кто ты, и откуда?

- Я Кейн, и я не отсюда.

- Где твои люди?

- Я один.

- Как ты умудрился убить герцога Брейднора и его солдат, если ты один?

- Я убиваю. Это то, для чего я сотворен. В этом я очень даже неплох.

- Ты от Ариоха?

- Знаком лишь чуть-чуть.

С досады Эльрик осушил чашу. Либо мужчина был безумен, либо краснобайствовал; определить его акцент Эльрик не мог. Тем не менее, этот Кейн принес ему голову его врага.

Взглядом красноватых глаз Эльрик встретил холодный голубой взор Кейна. Он почувствовал по всему телу внезапный озноб. – Ты демон? – Эльрик не собирался произносить эту мысль вслух.

- Гораздо хуже, - сказал Кейн.

- Откуда ты знаешь меня?

Кейн оторвал крылышко и с видимым аппетитом принялся есть его. – Благодаря Буреносцу. Не говоря о том, что у тебя есть некоторые особые приметы. Мунглум, прекрати расхаживать взад-вперед и присоединяйся к нам.

Эльрик закрыл глаза и сосредоточился. У этого человека была аура, проникнуть в которую у него не получалось. И еще...

- Ты не за Закон и не за Хаос.

- Верно. Ломтик грудинки?

- Ты не из этого мира.

- Я уже сказал тебе об этом. Еще бренди?

- Ты вызвал бурю и завлек нас сюда. Потом ты убил моего врага.

- И как раз вовремя. Про обед не забывай.

Эльрик гневно вскочил на ноги, обнажив Буреносец. – Друг или нет, с меня довольно шуток, - и я устал от твоих загадок!

Мунглум скользнул в сторону, двигаясь вокруг.

Кейн остался сидеть. Он потягивал вино, в то же время левая его рука оказалась скрыта. – Пожалуйста, сядьте, вы оба. Нам предстоит длинная ночь. Все разъяснится.

Эльрик кивнул Мунглуму, затем вложил рунный меч в ножны. Они сели, и Кейн бесшумно убрал метательные звездочки, которые держал наготове.

Мунглум принялся грызть яблоко. – Где твой дом?

- В ином месте.

- А эти яблоки? Откуда?

- Оттуда же.

Эльрик опять начал поддаваться гневу, но, стремясь удержать себя в руках, налил еще бренди. Незнакомец был безумен, однако зла ему не желал. Благодаря Кейну, - если ему верить, - завтра они с Мунглумом продолжат свой путь без погони. Безусловно, этот человек был опасен, но он не был врагом. Эльрик терялся в сомнениях, кем он все-таки мог оказаться. Он съел еще один кусок хлеба и решил смириться с положением. Снаружи лил сильный дождь, и Мунглум как раз подбросил деревяшек в огонь.

- Я обратил внимание на твой меч, когда ты вытирал его, - сказал Эльрик. Обычно беседа смирляла его гнев. – Прежде я не видал ни мечей такого типа, ни столь необычного блеска стали. Он из Молодых Королевств?

- Из Карсультяля. Старинный. – На мгновение в голосе Кейна появилась нотка боли, уловить которую мог только Эльрик.

- И он обладает магическими свойствами?

- Только тем, что хорошо рассекает. Я так и не разгадал данный сплав. Добыт из расплавившихся звездных кораблей.

Эльрик решил, что Кейн имеет в виду падающие звезды. Он видел клинки, выкованные из такого железа. – Где находится Карсультяль?

- Давно и далеко. – Кейн налегал на бренди. – Эльрик, давай прекратим обмен любезностями. Мы оба – колдуны. Мы знаем, что существуют иные миры и иные вселенные, порой - бой о бок.

Эльрик помедлил, размышляя. – Допустим.

- И что между этими иными мирами могут быть врата.

- Да, это правда. – Эльрик начал предвосхищать ход рассуждений Кейна. Нет, Кейн не безумен. По этой части.

Кейн отвлекся на бренди. – Так вот, Эльрик. Мы вдвоем сидим на пороге одних из таких врат, и я прошел через них с корзиной, полной леденцов, которые грыз по дороге. И с прочими приятными вещичками. Извините за бурю, эти атмосферные возмущения неизбежны. Называйте это жестоким соприкосновением. Так что вы промокли, но теперь согрелись и отъелись, а я разобрался с вашими непосредственными проблемами. Где эта голова, Мунглум?

Эльрик не был уверен, что усвоил все сказанное, но понял он достаточно. – Откуда ты узнал обо мне?

- Ты поймешь позже. Ты и различные твои воплощения растут во времени и вселенной быстрее моих. Оставалось только совместить тебя, Буреносец, и эти врата. Мое присутствие здесь – трюк, который мог бы исполнить любой колдун. – Эльрик подозревал, что мужчина лжет, ну и пускай, - пока что.

Ему показалось, что Буреносец стонет. Эльрик пощупал себе лоб. Или его руки были холодны, или у него жар из-за грозы. – Оставим вопрос, КАК это получилось, - скажи мне лучше, ЗАЧЕМ?

Кейн закусывал сыром. – Ах, это. Ну, я просто спас тебе жизнь. Про обед не забывай.

- Ты организовал такое положение дел, разве нет?

- Ну, не я был тем, кого преследовали герцог-наемник с пятьюдесятью солдатами. Но буду честен - я, возможно, использую положение дел к своей выгоде. Немножко.

- Чего ты хочешь от меня, Кейн? – Эльрик раздумывал, не уехать ли прямо в ночь. Это была бурная ночь. Он подумал, не убить ли этого человека, но Кейн вроде не собирался

причинять ему вред, - скорее, наоборот. Эльрик вздохнул и помассировал себе виски. Он вовсе не был уверен, что сумеет справиться с Кейном. Что-то в глазах мужчины подсказывало, что нет.

- Буреносец, - сказал Кейн.

- Что!

- Только право воспользоваться им.

- Ты безумец.

- О да. Мне нужно будет вооружиться твоим рунным мечом. Сказанное мною не означает, что я хочу стать его владельцем вместо тебя. Эта штука опасна. Я ей не нравлюсь.

Эльрик решил, что они с Мунглумом будут нести дежурство возле огня и уедут чуть свет.

- Позволь мне рассказать тебе историю, - предложил Кейн.

- Ты наш хозяин, - устало сказал Эльрик.

- Что тебе известно об этом замке?

- Ничего. Я лишь вспомнил, что он есть в этих местах. Стоит заброшенным уже век. В нем якобы обитают привидения. Привидения есть во всех развалинах.

- Кое-кто гораздо хуже привидений.

Кейн убедился, что бутылка бренди пуста, и сказал что-то нелицеприятное, во всяком случае, так представилось слуху Эльрика. Сказано было на языке, который Эльрик никогда не слышал. Он наблюдал, как Кейн, уверенно двигаясь, пропал в темноте за пределами круга света от очага, затем вернулся с плетеной корзиной... незнамо откуда.

Когда Кейн явил на свет последнюю бутылку, Эльрик заметил: - Ты умеешь видеть в темноте.

- Да все мы умеем, в какой-то степени, - сказал Кейн. - Отлично, Мунглум, пожалуйста, открой ее и налей всем троим. Скоро нам потребуется выпить.

Чаши опять наполнились: — Как я говорил. — Кейн понюхал бренди и пожал плечами. — Существуют материальные врата в иные миры. Этот замок - один из них. Ты должен знать о нем больше меня, Эльрик. Я знаю только то, что слышал по свою сторону портала. Наши временные каналы проходят очень близко друг к другу. Слишком близко. Этот самый замок фактически существует в обоих наших мирах.

В пустых окнах продолжали сверкать молнии. Сквозь худую крышу протекал дождь. Ветер шевелил гниющие гобелены. Кейн выругался, поднялся и швырнул в огонь кусок разломанного буфета. Он сделал это без видимого усилия; Эльрик прикинул, что деревянная конструкция весила, наверное, более ста фунтов.

Большой очаг поглотил сокрушенный буфет. Огонь очага взметнулся, осветив троих сидящих за столом. Кейн занялся остатками дичи, оторвал второе крылышко. – Недосолено, - извинился он, старательно жуя.

Эльрик стал терять терпение. – Я же сказал тебе, что немного знаю об этом замке. Догоняй давай.

Кейн обглодал последнее мясо с косточек крылышка и метнул их в огонь так же легко, как швырял разломанный буфет. Он облизал пальцы и принялся за бренди.

- Несколько лет назад, - я не знаю, насколько давно в ваших временных рамках, - недалеко отсюда рухнул на землю некий объект. Владелец замка выехал со своими людьми выяснить, что произошло. В поле они обнаружили развороченное и выжженное пространство, куда упала звезда. Звезда была инкрустирована сказочными драгоценными камнями, превосходящими их мечты. Владелец заставил своих людей пригнать телеги и быков, чтобы увезти это сокровище. Они исполнили это, схоронив его в потайных погребках глубоко под замком.

Конечно же, разнеслись слухи об этом сокровище. Искусные воры пытались его украсть. Другие могучие владельцы пробовали затребовать свою долю. В конце концов, из внешних бездн вызвали демона, сторожить сокровище. Демон сторожил сокровище, но не замок. Стены, наконец, проломили, а защитников перерезали, но и победителей, могущих порадоваться своей добыче, в живых не осталось. Никто не уцелел после последней битвы, а замок с тех пор проклят.

Эльрик смутно припомнил такую же сказку, или похожую на нее: это была изолированная и малознакомая ему область. Он повертел чашу, так и не отпив. – Так к чему же мы приходим?

- Я могу отыскать комнату с сокровищем, - сказал Кейн. – Все, что мне нужно, поместится в эту корзину. Остальное - ваше. Хватит, чтобы собрать наемную армию и занять Рубиновый Трон, - все, чего ты желаешь. Хочешь – бери.

- И зачем тебе быть моим благодетелем?

Кейн пустил водоворот в чаше бренди. – Демон по-прежнему там. На страже. Я не могу убить его в одиночку. Мне нужен ты. И Буреносец.

- Ты же колдун. Изгони его.

- Только не этого.

Мунглум отвел Эльрика в сторону. – Не верь ему.

- Не собираюсь, - сказал Эльрик. - Но у него на уме какой-то затаенный план, и он не причинил нам вреда. Я сыграю в его игру и попытаюсь извлечь из нее выгоду.

Обращаясь к Кейну, Эльрик сказал: - Мы пойдем за тобой. Только сначала объясни мне, почему этот замок – врата в твой мир?

Кейн помедлил. — Кристалл. Магический кристалл с упавшей звезды. Это все, что я хочу взять с собой.

Кейн унес корзину в темноту, вернулся обратно вместе с ней и с парой фонарей. — Зажги их, Мунглум, и мы приступим.

Мунглум запалил от огня тонкую свечку и зажег фонари. При этом он попытался приподнять корзину. Кейн быстро отобрал ее у него. Мунглум шепнул Эльрику: - Должно быть, корзина полна свинца. Я чуть не вывихнул запястье.

- Ее несет Кейн, - сказал Эльрик. Свой фонарь он держал высоко. — Будь начеку.

- Давай сейчас же сядем на коней, - прошептал Мунглум.

- Я хочу посмотреть, в какую игру играет Кейн. Кейн знает обо мне слишком много, а я о нем — слишком мало.

Мунглум покачал головой. — Человек, который подает еду и питье, а потом отправляется убивать демона.

- Нельзя сражаться с демоном на пустой желудок, - отозвался из темноты Кейн. - А вы оба вымотались.

Или Кейн обладал отличным слухом, или умел читать их мысли. Эльрик задумался, не стоит ли ему послушаться совета Мунглума.

Кейн повел их вниз по каменной лестнице, коварной из-за крошащихся обломков. Вода, продукт ливня за стенами, просочилась сюда и ручейками стекала по ступенькам. Эльрик думал о теплом огне наверху и размышлял, почему бы ему не оставить Кейна рыскать по этим подвалам одному.

Лестница привела в подвал размером с пещеру, с виду совершенно несоразмерную замку наверху. На границе света, что давали их фонари, Эльрик разглядел огромные кучи обломков, украшенные паутиной, и гротескные узоры плесени. «Вероятно, замок возвели с расчетом выдержать долгую осаду», - рассудил он.

Кейн уверенно миновал все это, еще больше усилив опасения Эльрика, и привел их к еще одной лестнице, спустившейся в темное подподвалье. Ржавые железные ворота оказались разбиты, и их фонари явили взору полуразрушенные орудия пыток. Разрозненные останки человеческих скелетов кучками валялись под цепями, в которые были прежде закованы, у некоторых костлявые запястья так и оставались заключенными в кандалы. Иссохший труп на обломках дыбы давным-давно развалился на куски. Из подвешенной вверху железной клетки все еще тянулись в мольбе затвердевшие руки. «Крыс нет», - отметил Эльрик; впрочем, для них тут уже ничего не осталось.

В дальнем конце темницы находилась массивная дверь. Ее петли прочно сидели в каменной стене, она была выкована из черного железа, на удивление не ржавого и непохожего

внешне на сталь рунного меча. Ее сделали способной устоять перед осадным оружием, и снабдили столь же массивным замком.

- И у тебя есть ключ? – спросил Эльрик. Его тон был язвительным, но он вовсе не был уверен, что у Кейна его не окажется.

Кейн поставил корзину. – Думаю, я смогу с этим разобраться.

Мунглум шепнул Эльрику: - Когда он принес нам обед, он пользовался не этой корзиной. Это чистый металл.

- Я знаю, - сказал Эльрик. – Но я не совсем улавливаю смысл его игры. Будь настороже.

Кейн приложил руку к массивному замку. Раздался резкий щелчок, будто с тетивы арбалета сорвался болт, а затем весь механизм рассыпался в прах. Кейн толкнул, и громадная дверь отворилась. Внутри завывала мерзкая тьма.

- Впечатляюще, - заметил Эльрик.

Кейн быстро отступил и обнажил меч, глядя на открытую дверь.

- Что теперь, Кейн? – Эльрик уже обнажил Буреносец.

- Есть кое-что, о чем я забыл упомянуть. – Кейн снова поднял металлическую корзину. – Не все обитатели замка погибли в последней битве. Немалое их количество нашло здесь убежище и скрывалось, как минимум, в течение века, - я уже сказал, что не уверен насчет ваших временных рамок. Их потомки, наверное, не особо приятные.

- Чем они могли питаться? – спросил Мунглум.

- Как ты думаешь? – ответил Кейн.

- Грибами и плесенью?

- На закуску. Давайте поглядим.

Проходя мимо, Эльрик рассмотрел развалившийся замок. Ему была известна магия, способная открыть любой замок, но не простым касанием руки. Если силы Кейна так велики, зачем этому незнакомцу требовалась его помощь в том, чем грозил обернуться безумный поход, куда Кейн вел его? Эльрик проклял себя за то, что позволил Кейну втянуть себя в это предприятие, но любопытство заставило его следовать дальше. Среди бесчисленного множества ночей мучительной тревоги это будет, пожалуй, единственное маленькое развлечение.

За дверью слабый свет их фонарей высветил сводчатый каменный коридор неведомой длины. Они находились глубоко под землей, и отовсюду, заглушая звук их шагов, сочилась вода, - словно в густом лесу после проливного дождя с листья падали капли. Камни арок обрамляли селитра и роняющие капельки кольца плесени, создающие почти осязаемое свечение. Воздух вонял смертью и обжигал легкие Эльрика, однако слабый ветерок заставлял

пламя его фонаря дрожать. Эльрик подумал об источнике этого ветерка, потом выкинул эту мысль из головы.

Туннель разбился на множество ответвлений, однако казалось, что Кейн уверен в направлении своего движения. Из черных коридоров донеслись слабые звуки быстрого топота. Эльрик мельком увидел блеск крысиных глаз и скольжение огромной саламандры. Безобразные белые жабы, волоча лапы, убивались с их пути. Бледные пауки, величиной с его кисть, цеплялись за камни, подстерегая добычу. У Эльрика появилось чувство некоего родства: это был потусторонний мир альбиносов.

Эльрик полагал, что они прошли под землей, наверное, с полмили. – Кейн, тебе известно, кто построил этот лабиринт, - и зачем? Есть более легкие способы предохранить сокровище.

- Должно быть, они стали спускаться, - любезно сказал Кейн. – Стенами и арками они укрепили глубокое ущелье, с тем же результатом обошли слепые расселины.

- КТО? – спросил Эльрик.

Меч Кейна метнулся быстрее, чем представлялось возможным Эльрику. Мельком замеченная им тварь в какое-то мгновение прыгнула на Кейна из темноты бокового туннеля. В то же самое мгновение клинок Кейна рассек ей шею и плечо, отбросив на пол туннеля. Минуту обе части корчились. Эльрик никогда не видел фехтовальщика, наносящего подобный удар одной рукой. Он мысленно отметил это и задумался, сколько головорезов герцога Брейднора осталось в живых.

Мунглум поднес фонарь. Тварь была обнажена, мужского пола, и смутно напоминала человека. Его плоть была такой же бледной, как у Эльрика, но волосы, свисавшие с узловатой кожи скальпа отвратительными клочьями, имели какой-то грязно-серый цвет. Конечности были короткими и уродливыми, покрытыми гнойными язвами. Лицо было звериным, не столько обезьяньим, сколько волчьим, с выступающим рылом. Из центра груди на них скалилась вторая голова, не больше чем у куклы. Кончиком меча Кейн небрежно срезал ее.

- Симпатичный, - сказал Кейн. – Если они не задержатся, чтобы скушать этого, скоро мы столкнемся с чем-то гораздо худшим.

- Ты говорил об уцелевших, что были здесь заключены. – Эльрик миновал мертвую тварь. – Но что за колдовство породило это?

- Остаточная радиация. – В ответ на недоуменный взгляд Эльрика Кейн добавил, - энергия демона-стража. Вот почему мне нужен ты и Буреносец. Мы должны убить его быстро.

Мунглум ничего не понял из слов Кейна. – Этот демон, как он питается?

Кейн показал назад, на уродливый труп. – Таких много. Жертвы заперты здесь, в этом лабиринте.

- Ты сказал, что они - уцелевшие в последней битве. – В тоне Эльрика было недоверие.

- И они, - сказал Кейн. – Берегись!

Из темноты на них отовсюду устремились твари. ТВАРИ. Эльрик не различал в них ничего человеческого. Большинство из них были обнажены; те же, кто носил какие-то лохмотья грязной одежды, были даже более мерзкими. Немногие имели ржавое оружие. Большинство же, казалось, не знало иного оружия, кроме гнилых зубов и длинных, как когти, ногтей.

Они представляли собой чудовищную, уродливую насмешку над человечеством, пародии, порожденные наркотическими кошмарами какого-то сумасшедшего художника. Мужчины, женщины, дети – они бросались на троицу из темноты. Эльрик не имел четкого представления об их количестве. Они выплескивались из черноты подобно извержению летучих мышей-вампиров из вонючей пещеры.

- Береги свой фонарь! – Эльрик уже поставил свой, - чтобы орудовать Буреносцем, ему требовались обе руки, - и Мунглум сделал то же самое. Кейн остался где-то темноте. Теперь, после того как завлек их в это, он был в состоянии заботиться только о себе.

Нечто с тремя руками вцепилось в Эльрика когтями. Рунный меч снес его, когда Эльрик развернулся, чтобы срубить обе головы существу, что подползло к нему сзади. Женщина с шестью грудями бросилась на его меч, в тот же самый миг швырнув ему в лицо своего ребенка. Эльрик скальпом почувствовал прикосновение зубов, отступил и выпотрошил пищущее существо, чьи ребра проросли сквозь кожу. Его фонарь опрокинулся и погас.

Эльрик отскочил к Мунлumu. – Береги свой фонарь! Без него мы погибли!

- Где Кейн?

- Надеюсь, мертв.

Сила вливалась в Эльрика, когда Буреносец вновь и вновь наносил смертельные удары. За спиной у него храбро сражался Мунглум. Несмотря на численный перевес противника, они закономерным образом брали верх, - те были не искусными воинами, но безумными зверьми. Тем не менее, Эльрик понимал, что слишком долго сдерживать множество безмозглых убийц без малейшей мысли о самосохранении невозможно.

Покачиваясь и занося увесистую дубинку, к Эльрику подходил великан с тремя глазами на лбу, в то время как альбинос пытался вырвать Буреносец из ребер и предсмертной хватки четырех рук нечто, которое все еще цеплялось и визжало. Эльрик попытался увернуться. Великан рухнул на колени. Голени его рухнули где-то отдельно. Эльрик освободил рунный меч и прямо сквозь третий глаз расколол череп великана. Дубинка отлетела в темноту. Кейн перешагнул через труп.

- Хорошая работа, - сказал Кейн. – Я знал, что мы можем сработаться. – Он взгляделся в темноту. - Я думаю, это все, на что они пока способны. Однако нам следует оставаться бдительными. Мунглум, попробуй зажечь второй фонарь.

- Я не подчиняюсь твоим приказам.

- Мунглум, попробуй зажечь второй фонарь, - сказал Эльрик. Он чувствовал себя уставшим и сердитым. Всей той силы, что Буреносец вытянул из этих порождений тьмы, ему не хватало.

- Кейн, ты завел нас в эту засаду.

Мунглум снова зажег фонарь Эльрика. Эльрик высоко поднял его. – Сколько их осталось на перегруппировку?

Теперь темнота, в которой сражался Кейн, отступила с места бойни, открыв массу сокрушенных и расчлененных тел, смутно напоминавших человеческие. Эльрик вспомнил слова Кейна: «Я убиваю. Это то, для чего я сотворен. В этом я очень даже неплох». Сначала Эльрик посчитал, что то была всего-навсего извращенная шутка. То была не шутка.

- Я сомневаюсь, что они опять нападут, - отозвался Кейн. – Те, кто бежал, оставят нас своему демону-стражу. Кроме того, им уже теперь хватит для пира.

Позади, возле границы света, даваемого их фонарями, Эльрик разглядел увлакиваемые в лабиринт туннелей уродливые тела. Кейн вновь поднял свою металлическую корзину и уверенно двинулся вперед.

- Держись рядом с ним, - шепнул Эльрик Мунглуму.

- Почему бы нам сейчас же не повернуть обратно?

- Ты знаешь дорогу?

- Стоит попробовать.

«Вообще-то верно», - заметил про себя Эльрик, но незначительный приток силы от Буреносца придал ему безрассудства. Он сказал: - Просто будь рядом.

Туннель резко расширился в огромную пещеру, чьи границы находились далеко за пределами досягаемости света их фонарей. Тусклое синее свечение, - от стен пещеры, видимо, - давало слабый свет. Эльрик подумал, что она вполне могла бы служить обиталищем для Ариоха, или, по меньшей мере, передней. Пещера, вероятно, тянулась сотни футов.

Это была не пещера.

Эльрик потрогал рукой стену. Не камень. Растрескавшийся металл. Холодный. Эфесом Буреносца он постучал по его поверхности. Тот зазвенел, как колокол под водой. То, что он поначалу принял за сталактиты и сталагмиты, оказалось покореженными металлическими балками. Эльрик прикоснулся к ним, пытаясь представить, кто сотворил этот развороченный дворец.

- Главным образом, это сплав титана и иридия, - сказал Кейн, внимательно наблюдая за Эльриком. – Чего еще, точно не знаю. Еще, вероятно, осмий, но это лишь догадка, основанная на том, что корабль относительно цел. Как ты заметил, ударился он весьма жестко.

Эльрик напряг глаза и осмотрелся. Возможно, он находился в чреве исполинского кита. Вода капала с металлических ребер наверху, образовывала на полу склизкие лужицы. Большие груды изъеденных ржавчиной механизмов лежали разбитые и покрытые наслоениями плесени. Зияющие дыры открывали черные недра палуб внизу. Это был корабль. Но что за корабль? И откуда?

- Я не вижу никакой горы сокровищ. – Мунглум испытывал трепет, но оставался практичным. – И никаких демонов-стражей тоже не вижу.

- Всему свое время, - заверил его Кейн.

Интерес Эльрика к руинам пересилил его первоначальные гнев и подозрения. Он ткнул Буреносцем в массу сросшейся плесени возле одной из разбитых машин. Едва покров вскрылся, скелет распался на части. Откатившийся череп имел челюстную кость, подобную крокодилийей. Огромный бледный паук поспешно убежал на поиски нового укрытия.

- Кейн, что это за место? И довольно лжи.

Эльрик ждал ответа, но Кейна уже не было тут.

Мунглум разинул рот. – Он только что был...

Кейн снова появился примерно в тридцати футах от них. Тусклого синего сияния Эльрику было достаточно, чтобы исключить предположение, что Кейн просто бросился бежать у них на глазах.

Едва ли не впервые Кейн выглядел слегка потрясенным. – Временной сдвиг. Мы балансируем в нестабильном потоке между нашими мирами. Я понятия не имею, как долго смогу поддерживать это состояние. Нам необходимо работать быстро.

Эльрик уселся на осыпающуюся грудку щебня, сжав руками рунный меч. – Сначала объясни мне, где мы, и зачем построена эта металлическая пещера. Можешь также обмолвиться о сокровищах со звезд.

Подавив гнев в голосе, Кейн начал говорить. Было очевидно, что Эльрик нужен ему, и что дела стремительно выходят из-под его контроля. Он взглянул на облицованную свинцом корзину и вздохнул.

- Хорошо. Ты имеешь кое-какое представление о небесах. Значит, тебе, скорее всего, известно, что звезды – это далекие солнца, некоторые – с вращающимися вокруг них иными мирами, в некоторых из них есть развитые формы жизни.

- Я слышал такие гипотезы.

- Хорошо. Представь также, что существуют вселенные, параллельные вашему собственному миру. Невидимые и неизвестные вам, но отделенные лишь щелью во времени и пространстве.

- Ради дискуссии. – Эльрик был заинтригован, но по-прежнему сжимал Буреносец в руках.

Сапогом Кейн легонько пнул металлический узел. – Корабли бороздят моря. Корабли плавают по морям. Это – корабль, который плавает между звездами. Здесь он разбился, вонзившись в землю. Большинство находившихся на борту погибло. Оставшихся обожествовали. Родился культ, а для того, чтобы охранять обломки крушения, построили крепость. Они питались человеческими жертвами, мутируя в течение многих поколений. Наконец люди восстали, взяли замок штурмом и уничтожили. Они страшились демонов снизу, и заточили своих пленников в этом лабиринте. Потом бежали из этого края.

- Допустим, я поверил тебе, - сказал Эльрик, вспомнив историю об инкрустированной драгоценными камнями падающей звезде, - только зачем ты заманил в эту смертельную головоломку меня?

- Ты заключил сделку с Ариохом; или ты спрашиваешь о моих мотивах?

- Да.

- Так. Ладно. – Кейн внимательно следил за Мунглумом, который, стремясь оказаться у него за спиной, двигался точно по кругу. Если Кейну придется его убить, его непрочному союзу с Эльриком настанет конец.

Кейн продолжил: - Во-первых, вы с Буреносцем очень хороши. Сядь куда-нибудь, Мунглум. Ты видел результаты мутации у тех, кто раньше был людьми и заразился в этом месте. Вообрази, во что могли мутировать уцелевшие с этого корабля. Мне нужна помощь.

Эльрику хотелось верить, что он спит и видит сон. Но он знал, что не спит. - Зачем мне помогать тебе?

- Потому что последний временной сдвиг прочно засадил вас в мой мир. Тебе это не понравится. Я могу отправить вас обратно в Мельнибоне. Мы болтаемся на краю значительного транспространственного разрыва. Я должен перекрыть его.

- Какой неожиданный альтруизм.

- Я упоминал про драгоценности.

- Ложь. Мне следует сейчас же убить тебя.

Неожиданно Кейн схватил рунный меч за клинок. Эльрик резко рванул его. Кейн разжал руку. Раны не осталось. Эльрик почувствовал в груди резкую боль. Рунный меч почувствовал ледяной холод. Казалось, его сердце запинается. Эльрик отступил, сберегая силы на будущее, - что бы оно не принесло.

- Не грозись, коли всерьез не грозен, - сказал Кейн. Меча он не обнажил.

- В следующий раз я не буду столь беспечен, - пообещал Эльрик.

- Придержи свой гнев для демона, - Кейн осмотрел свою руку, затем исчез.

Он появился примерно в двадцати футах позади них. – Он распадается. – Всякое раздражение, вызываемое им в отношении Эльрика, пропало. – Где мой контейнер?

- Там же, где ты оставил его, - сказал, указывая, Мунглум.

Кейн схватил его. – Континуум близок к разрушению. Мы должны действовать быстро. – Он уставился на Эльрика, будто видел его впервые. – Корум?

- Что? – Эльрик все еще выискивал на рунном мече кровь Кейна.

- Нет. Конечно, нет. – Кейн сделал глубокий вдох и огляделся вокруг. Он напоминал Эльрику спящего, пробуждающегося от какого-то глубокого сна. Кейн исчезал всего на несколько секунд.

- Мы должны убить его первыми, - сказал Кейн. Казалось, он не совсем оправился от чего-то, что произошло с ним. – Мы возьмем его с двух сторон, Эльрик. Мунглум будет ловить возможность для удара.

- Удара кому? – терпеливо спросил Эльрик. Он решил, что Кейн окончательно сошел с ума. Безумный, опасный, неуправляемый колдун.

- Тому, кто скрывается в аппаратной.

- Демон?

- Ну, он, скорее всего, скрывается среди энергоблоков. Может быть, нам повезет. Сейчас мне надо в аппаратную.

- Горы сокровищ не будет? – спросил Мунглум, ожидая ответа «нет».

- Быть может, будет гора на горе, - сказал Кейн. Голос его звучал не совсем искренне.

- Эльрик, давай уйдем отсюда, - взмолился Мунглум.

Волнение Эльрика впервые вывело его из состояния глубокой задумчивой депрессии. – Я хочу досмотреть это до конца.

Кейн повел их по исполинским останкам крушения. Эльрик опять изумился тому, что Кейн, похоже, знает дорогу через все это. Несмотря на овладевшее его душой гнетущее отчаяние, он начал испытывать восторг познания вещей, с которыми был знаком лишь по снам, обрывками сохранившимся в памяти.

- Вот она, - сказал Кейн. – Будьте настороже.

- Что – ОНА? – спросил Эльрик.

Кейн демонтировал панель управления, срывая металлическое покрытие при помощи меча и длинных пальцев. - Здесь должен быть...

Кейн исчез. Эльрик и Мунглум стояли, уставившись друг на друга. Из щели в палубе высунулось крупное щупальце и принялось искать их. Черным мечом Эльрик перерубил его. Щупальце оказалось отсечено. Раздался нечеловеческий вопль. Буреносец содрогнулся в руке Эльрика. Снизу из темноты протянулось еще одно щупальце.

Кейн рассек его на части. Эльрик не заметил, как он появился вновь. Змеясь, щупальце исчезло, сменившись новым.

- Временной импульс растет, - сказал Кейн. – Я отстаю от временной фазы. Сдерживайте это создание. Мне нужно всего несколько минут.

Эльрик был слишком занят, чтобы поведать Кейну, что он о нем думает. Мунглум метался туда-сюда, в то время как Буреносец отсек еще одно цепкое щупальце. Эльрик не чувствовал прилива сил, впрочем, он лишь ранил тварь внизу. Или таких тварей было много?

Эльрик почувствовал резкий удар в грудь, а затем они с Мунглумом растянулись в противоположных концах комнаты. Ни один не получил раны. Внезапно прямо возле Мунглума появился Кейн. Он был ошеломлен, но тотчас же оказался на ногах.

- Эльрик! Давай! – воскликнул Кейн.

Из провала под пультом управления поднималась громоздкая масса. Ее лицо представляло собой скопление извивающихся щупалец, обрамляющих слоновою голову. Клешнеподобные челюсти щелкали на них; глаза сердито взирали с толстеньких стеблей. С плеч свисали перепончатые крылья, тогда как когтистые лапы, тоже с перепонками, тянулись к ним. На мостик ступил последний оставшийся в живых мутант со звездного корабля.

Всю свою силу вложил Кейн в удар в шею твари, или туда, где должна быть шея. Щупальце отбросило его так, что он врезался в стену аппаратной.

В этом миге Эльрик увидел свой шанс и обрушил Буреносец на усеянный щупальцами череп. Его голова не уступала величиной голове самого Кейна, но черный клинок расколол ее, заставив монстра соскользнуть обратно в провал, из которого тот появился.

Эльрик почувствовал тошноту.

Кейн поднялся на ноги. Он был оглушен и испытывал боль, но ему случалось преодолевать гораздо худшее. Повреждения его генетически модифицированного тела затянулись, на что оно было запрограммировано. – Думаю, ты убил его. Хорошая работа. Я знал, что могу рассчитывать на тебя, когда дело касается убийства демонов.

- То сокровище, о котором ты говорил, - напомнил Мунглум.

- Кейн лгал, - сказал Эльрик, все еще слишком слабый.

- Ну, не совсем так, - Кейн снял оставшуюся деталь панели управления, с которой возился ранее, и извлек похожий на коробку прибор. Размером он был с грудную клетку человека, и,

казалось, представлял тяжелый груз даже для Кейна. – Это преобразователь. С точки зрения того, что я задумал – ключевая деталь.

Эльрик гневно поднялся. - Ты затеял всю эту интермедию только для того, чтобы завладеть куском хлама.

- Твоя помощь была мне НЕОБХОДИМА. И это не хлам. Извини насчет драгоценностей. Я в долгу перед тобой.

Кейн открыл свинцовый контейнер, который таскал с собой в течение всего пути. Эльрик услышал какие-то слабые щелкающие звуки. Кейн закрыл корзину. Бережно взял преобразователь. - Что ж, я надеюсь, после всего он еще работает. О, примерно через час здесь взорвется десять фунтов бомбового плутония, закрыв врата кое-каким силам, которые не желают мне добра. Я украл у них эту свинцовую корзину для пикника. Этот портал открывается и в иные миры тоже, а я – не единственный, кто ищет преобразователь. Взрыв случится очень большой, но он закроет врата, - ЭТИ ВРАТА, - между нашими мирами. Есть и другие.

Пошли, я провожу вас в ваш мир. Дальше вам придется поторопиться. Эльрик, мы еще встретимся.

Вскоре Эльрик и Мунглум верхом на конях отчаянно неслись во весь опор в ночь, унося лишь сбивчивые воспоминания о своем приключении. Казалось, до рассвета рукой подать.

В нескольких милях позади них распустился огненным грибом разрушенный замок, исчезнув с лица земли подобно тому, как разывается в ночном небе падающая звезда. Взрыв вызвал испуг у коней, но они продолжали скачку сквозь дождь и темноту.

- Куда отправился Кейн? – Мунглум терялся в догадках.

- Я надеюсь, мы никогда этого не узнаем, - сказал Эльрик.

В недрах склада Акме

- Пожалуй, мне хочется, чтобы меня изнасиловали, - прикоснувшись к своей груди, сказала Люси. Сидя в пластиковом шезлонге, она лениво потянулась. Ее солнцезащитный крем сильно пах и лоснился. Солнце и таблетки затуманили ее мозг.

Люси Минкс сдвинула трусики на бедрах еще ниже, обнажая бритое изначалье лобка. Она повернула голову и щелчком приподняла зеркальные очки, на мгновение явив восхитительные итальянские глаза.

- Пожалуй, мне хочется, чтобы меня изнасиловала ты. – Она уронила солнцезащитные очки обратно и поежилась на солнце. Она томно дотянулась до белого вина с содовой, глотнула через соломинку.

Мина Раш залпом выпила пиво. Оно было тепловатым и имело вкус пластикового стаканчика для бассейна. Она бросила взгляд на Люси, гадая: что дальше? Мина носила черный закрытый купальник и жалела, что не обладает такой фигурой, как у Люси и не может позволить себе бледно-зеленое бикини.

- Чего?

Черный в темно-синем комбинезоне водил пылесосом по голубому ковровому покрытию бассейна. Мина уставилась ему в область паха. Ветерок беспокоил бассейн, вызывая на отравленной хлоркой поверхности фальшивые волны. Вокруг ее босых ног завернулся скомканный газетный лист. Мина подняла его. В Бразилии видели Элвиса. Элизабет Тейлор беременна от принца Эндрю. Рок Хадсон был убит ЦРУ. Во Франции давленная пластмасса с летающей тарелки изнасиловала монахиню.

Люси рассмотрела свою соломинку, бросила ее через плечо, вдогонку отправила стаканчик. У нее были пышные черные волосы, с лентой выющиеся от природы, и ей нравилось для усиления эффекта распускать их, точно так же, как нравилось стрелять глазами. Распустив и стрельнув, она натянула и завязала тесемки бикини, повозилась с сумкой с вещами, затем отправилась в душ.

По ходу этих действий Люси успела сказать Мине: - Хотя, забудь это.

В стаканчике Миной было пусто. Она сказала: - Твою мать. - Затем она повторила это, на этот раз серьезно. Люси была дурочкой, но Мина мечтала о ней слишком часто, чтобы та не

врубилась. Она знала о том, что Люси знает, что она ее хочет, и знала, что Люси наслаждается этим чувством дистанции. Люси могла поддразнивать и флиртовать, но Мина никогда не получала большего, чем издевательская улыбка и краткий бесчувственный поцелуй. «Динамщица», - поделился с ней однажды их барабанщик.

Волосы Мины Раш были окрашены хной, вкуче с выразительными, хотя и узковатыми, зелеными глазами и стрижкой под принца Валианта этого было маловато, чтобы компенсировать чересчур угловатую челюсть. Ее правый верхний передний зуб сломался, когда, на заре ее карьеры, кто-то швырнул бутылку «Джека Дэниелса», и, как раз когда она улыбалась, перед ней мелькнула изящная золотистая пробка с перевернутой пентаграммой. Она обладала длинными ногами, мальчишескими бедрами, девичьей грудью, и дурным характером. Она могла бы стать лучшей белой блюзовой певицей со времен Дженис Джоплин, но она была не в состоянии удержать группу от развала дольше одного тура, и ее новый альбом запоздал на год.

Будучи на пороге славы, Мина Раш совершила три ошибки. Она пристрастилась к кокаину, увлеклась Люси Минкс, и повстречалась с Кейном.

Что-то заслоняло солнце. Уже рассердившись, Мина приподнялась на локтях и резко посмотрела вверх.

Это «что-то» уступало размерами холодильнику, но лишь немного. Он носил джинсовые шорты, черную гавайскую рубашку с пальмами и танцующими девушками, и зеркальные очки. Он держал два холодных стеклянных стакана для коктейля с крошечными зонтиками сверху и какой-то жидкостью молочного отлива. Вывеска на входе в бассейн отеля предупреждала: «Стеклянная посуда запрещена».

- Выпей это, - сказал он. – В твоём пиве мошка.

Мина машинально приняла стакан, а он уселся в освободившийся шезлонг Люси. Пластик с алюминием заскрипели, но выдержали. Мина гадала, пошел бы он камнем ко дну, если бы оказался в бассейне. Казалось, мужчина представляет собой глыбу мышц и костей, вытесанную очень грубо; ему, наверное, было тридцать с небольшим. У него была опрятная рыжая борода, рыжие волосы, зачесанные назад, а когда он поднял солнцезащитные очки, глубина его холодных голубых глаз заставила ее отвести взгляд.

- Я Кейн, - сказал он. И поднял стакан. – Будем здоровы.

- ТОТ САМЫЙ Кейн? – Мина отхлебнула напиток. Ее звукозаписывающую компанию как раз недавно приобрела какая-то штука, называемая «Кейн, лтд». Все, что Мина о ней знала – это то, что она не принадлежит японцам, а большего о фирме, которая теперь владела ее контрактами, не знал никто. Глава этой организации якобы был таинственным и нелюдимым. Фото попадались редко, но «Роулинг Стоун» описал его как нападающего NFL, превратившегося в изгоя-байкера. Мина вспомнила виденные ее нечеткие фотографии. Да, возможно.

Напиток имел вкус лакрицы, при этом у нее сперло дыхание. – Что это?

- Абсент со льдом, - сказал Кейн. - В списке здешнего бара этого нет.

- Я всегда считала, что абсент нелегален. Даже здесь, в Новом Орлеане.

Кейн пустил напиток в стакане водоворотом. — Так же, как и кокаин, Мина. Выпьешь, или вызовешь полицию? К тому же, в малом количестве полынная настойка — лекарство для души. Эта бутылка заложена в 1837 году.

- Где ты достал бутылку? — Мина умела распознавать, когда ей морочили мозги, в данном же случае она решила, что в стакане перно или «Эрбсен».

- Связи, - ответил ей Кейн. — Когда у тебя есть связи, ты можешь получить все.

Напиток, - чем бы он ни был, - ударил в голову. Он, солнце в придачу. Мина с хрустом расколола кусочек льда. Из кустов рядом с бассейном выползла маленькая ящерица и стала греться на каменной стене. На мелководе у края бассейна шумно плескались двое детей. Она почуяла запах бифштексов, жарившихся в ресторане отеля. Через несколько комнат от бассейна, наверное, обтиралась полотенцем после душа Люси. Вдоль веранды, высматривая кусочки пищи, скакал воробей.

Именно теперь в воздухе появилась мерцающая дымка, звуки словно бы доносились с большого расстояния, а мир оказался удален на несколько световых лет. Смятая пачка «Кэмела» под действием ветра бесцельно перемещалась по патио. Вдалеке по радио звучала “Run Away”. Но Кейн во всем этом помрачении сознания остался там, где был.

- Разумеется, - сказал Кейн, - я теперь владею всеми твоими контрактами. Ты считаешь иначе? — он поднял свой стакан.

- Иначе, чем что? — услышала саму себя Мина.

Большая рука в черной перчатке взяла у нее стакан. Еще один стакан занял место на столике. Мина увидела большого субъекта, одетого в черную байкерскую кожаную одежду и зеркальные очки, с длинными черными волосами и черной бородой, в черных мотоциклетных ботинках. До сего момента его тут не было.

- Спасибо, Блэклайт, - сказал Кейн, прихлебывая новый напиток. — Мы как раз обговариваем контракт.

- Что это? — Мине стало интересно, не была ли она единственным человеком здесь, кто не носил зеркальных очков.

- Блэклайт иногда помогает мне при обсуждении условий. А я чувствую, что ты недовольна.

- Личные вопросы.

- Неприступная мисс Люси Минкс?

- Ведь она тоже на контракте?

- Все на нем, в конечном счете.

- Я хочу ее.

Кейн изучал свой напиток. – Превосходный выбор, хотя и опасный. Все можно получить.

От напитка у нее стала кружиться голова. Мина спросила: - Какова цена? Моя душа?

Кейн выглядел обиженным. – Для меня это не стоит ничего, Мина. Все, что мне надо – твой будущий альбом. Альбом, который так опоздал. Я думаю, станет платиновым через три недели после выпуска. Я лично запишу его для тебя.

- Ладно. Чего же такого ты добился?

- Гораздо большего, чем ты когда-либо будешь способна представить.

- Ты очень убедителен.

- Ты не сможешь создать альбом без Люси. Я дам тебе Люси. Ты дашь мне альбом. Я даже сам напишу для тебя кое-какой материал. Но это мы обсудим в свое время.

Вновь появился Блэклайт. Казалось, возле бассейна нет никого, кроме них троих. Он передал Кейну стеклянный пузырек с прикрепленной к нему серебряной ложечкой. С удивительной деликатностью Кейн вдохнул ложечку белого порошка, подождал, потом заметил: - Думаю, почти. – Затем он передал пузырек Мине. – Он твой.

Мина попробовала несколько ложечек. Если это был кокаин, он был лучше любого, когда-либо принятого ею. Прелести жизни восходящей звезды. Она приняла еще пару. Кейн наблюдал за ней с интересом, более чем праздным. Мина попыталась что-то сказать, потом почувствовала Кейна внутри своего сознания.

- Очень любопытно, - сказал Кейн. – Тебе известно, что она без ума от Элвиса?

- Безусловно.

- Она отпетая сучка.

- Безусловно.

- Тебе понадобится настоящее дилдо.

- Ты закончил?

- Ты помнишь Лепильщиц из Гипса? – В руках у Кейна внезапно появился пожелтевший номер «Роулинг Стоуна».

- Они просто баловались. – Мина бросила взгляд на таблоидную газету. – Джими чуть не лишился члена, когда они с ним работали.

- Не баловством единым, - сказал Кейн. – Таких, как они было больше дюжины. Фанатки, что-то в этом роде. Они делали гипсовые слепки членов своих любимых рок-звезд. Нелегкая

работа, если ты не пробовала этого раньше. Не столько из-за эрекции, - гипс образуется при экзотермической реакции. Отделение его от лобковых волос – просто беда. Увлечение не так уж долго оставалось популярным.

- Я уверена, ко мне это не имеет отношения. – В голове у Мины мутнело все сильнее. Чтобы прояснить ее, она отведала еще несколько ложечек.

- Ладно, - сказал Кейн, допивая свой напиток. – Буквально дело обстоит следующим образом. Я располагаю латексной репликой, сделанной с гипсового слепка члена Элвиса Пресли, добытого в 1969-м парой конченных фанаток. Я предлагаю его тебе. Вы с Люси должны договориться между собой сами. Затем вы вместе принимаетесь работать над новым альбомом, материал для которого предоставляю я. Он станет платиновым. Его послушают миллионы. Удовлетворены будут все. Член ты можешь оставить у себя. Кокаин тоже оставь.

Кейн протянул руку. Блэклайт шлепнул в нее картонный футляр размером примерно с обувную коробку. Кейн поставил его на алюминиевый столик рядом с Миной.

- Готово. И удачной охоты.

Когда Мина поставила стакан и села прямо, остались лишь картонная упаковка, пузырек с белым порошком, и рокот двух «Харлеев», затихающий в направлении против дневного солнца.

Мина Раш не спешила вскрывать упаковку раньше, чем вернулась в свою комнату. Небольшая помощь пилки для ногтей, - и пломба оказалась сорвана. Сидя на кровати, она вывалила содержимое на стеганое покрывало.

Наружу выпало латексное дилдо, - совершенная реплика мужского эрегированного пениса вместе с мошонкой, пристроенного к нейлоново-виниловым ремешкам. Этикетка на полиэтиленовом пакете гласила: «Дилдо для одного акме-акта. С натуры Элвиса Пресли. Поразите ваших друзей!» Мина разорвала пакет. Его содержимым была пластмассовая трубка с наклеенной этикеткой: «Смазка и фиксатор для акме-акта. С вишневым ароматом, ловко и быстро!» Кейн оценил бы шутку. Мина отведала еще две ложечки кокаина, прекрасно пошедшего вместе с абсентом, - или чем это было, - и оказалась под таким кайфом, что готова была пробовать что угодно. Она осмотрела дилдо, - устройство, которое не было совсем уж незнакомым ей. Это, вместе с рифленным латексным стержнем под ремешками, достигало примерно шесть дюймов в длину, и было устроено так, что входило во влагалище носительницы с целью обоюдного удовольствия. Однажды с фанаткой Мина использовала обоюдное дилдо, и она решила, что сумеет управиться с этим без инструкции. Во всяком случае, в батарейках оно не нуждалось.

Сняв купальный костюм, Мина неторопливо приняла душ, а потом она позвонила в комнату Люси.

- Да? - Голос Люси был слабым от сна и таблеток. Хорошо хоть, что у них не назначено на вечер выступление.

- Готова к изнасилованию? – Мина постаралась придать дыханию немного тяжести.

- Это ты, Мина?

- Кто же еще влюблен в тебя? Я тут раздобыла мощнейшую херовину. Ты готова к этому?

- Подожди минутку. Конечно. Напомни, какой номер у твоей комнаты?

Мина заказала в номер две бутылки шампанского, которые доставили за пять минут до того, как Люси ввалилась в ее комнату, и выглядела она еще обдолбаннее Мины. Мина угостила ее шампанским и кокаином, прежде чем показала репродукцию с Элвиса.

На лице Люси отразилось абсолютное восхищение, когда она вертела в руках дилдо. – Это действительно член Элвиса?

- Прочти этикетку. Похоже, там целая серия членов рок-звезд. Хочешь, чтобы тебя изнасиловал Элвис, или мне заказать Джими Хендрикса?

- Дай мне посмотреть на себя с ним! – Люси захлопала в ладоши и подскочила на кровати. Мине это напомнило подростковый девичник с ночевкой. Тогда хватило незначительного количества тайком пронесенного пива и косячка, чтобы так же закружилась голова.

Мина стянула футболку и синие джинсы, натянутые совсем недавно. Люси быстро выбралась из черного трубчатого платья и передала ей дилдо, хихикая, словно школьница. Она добила свой бокал шампанского, пока Люси возилась с ремешками на бедрах. Открыв трубку с мазью, Мина нанесла ее на стержень под ремешками, потом пристроила его себе во влагалище. Она выдохнула, когда толстый щуп вошел, затем поправила ремешки.

Люси хихикала и сыпала кокаин себе на бюстгальтер. Мина сделала несколько пробных шагов. Дилдо болталось у нее между ног как настоящий орган, полностью изменив баланс и облик ее тела, в чем она убедилась, посмотрев вниз. Она чувствовала, как внутренний щуп раздражающе трется об ее клитор и влагалище.

- Кусочек, кусочек, кусочек пламенной любви! – в промежутках между глотками и хихиканьем Люси ухитрялась петь.

Мина осмотрела себя в зеркале. Зрелище совершенно сбивало с толку, но очень возбуждало. Она схватила латексное дилдо и стала мастурбировать им, воображая. Люси аплодировала настолько бурно, что могла разбудить весь этаж.

- Затихни, и раздвинь бедра! – приказала Мина, постаравшись придать возгласу мужские нотки. Это вызвало лишь свист вдобавок ко всему прочему.

- Ты должна связать меня и изнасиловать! – Люси открыла вторую бутылку шампанского. Извергающимся горлышком бутылки она задела болтающееся дилдо Миной. – Спорим, что вот так ты не сможешь кончить.

Мина давно уже находила все происходящее слегка глупым, - розыгрыш на потеху своей любовнице. Из-за выпивки, наркотиков, и сексуального возбуждения у нее уже пропало всякое смущение. Кроме того, Люси динамила ее в течение всего тура. Мысль о возможности оказаться продинамленной теперь, когда она была оснащена, вызвала у Мины смех. Люси захотелось разделить веселье, и они обе принялись кататься по кровати в приступе смеха. Люси настойчиво желала взять предмет Элвиса в рот, чтобы не пропало даром шампанское.

Каким-то образом Мина избавила Люси от бюстгалтера и трусиков. Пока они ерзали, ее торчащая эрегированная штука путалась в ногах. Мина удивилась, как мужчины вообще умудряются что-либо делать с сосиской, свисающей из паха, а Люси сказала, что, мол, поэтому то мужчинам и приходится дробить два раза в день, когда не с кем переспать; и что именно этим они на самом деле занимаются в туалетах, только после этого у них получается вновь застегнуть молнию на штанах.

К этому времени Мина ухитрилась привязать кисти Люси к остоу кровати ее чулками, посчитав, что так она уже не сбежит. Люси продолжала повторять: - Выеби меня, Элвис! Выеби меня, Элвис! – до тех пор, пока Мина не засунула ей в рот ее трусики и не привязала их ее бюстгалтером.

Все еще издающая приглушенные вскрики, Люси на гостиничной кровати представляла очень привлекательную для взора картинку, - руки раскинуты, черные кружева перетянуты поперек лица, длинные ноги чарующе дергаются. Ее киска стала очень влажной, равно как у Мины. Трение ремешков уже почти довело ее до оргазма. Мина намазала дилдо смазкой из трубки и забралась на кровать, оказавшись у Люси между ног.

- Вот идет Король!

Она направила головку латексного пениса во влажные губы Люси, затем засунула его в нее на всю длину, пока латексная мошонка не уперлась в пизду.

- Динамщица! – прорычала Мина и принялась яростно ебать ее. Люси самозабвенно билась, - удовольствие, очевидно испытываемое ею, усиливало страсть Мины. Мина достаточно много трахалась и знала, как двигаться, и она полагала, что умеет делать это намного лучше любого мужчины. Продолжая всовывать-высовывать своей любовнице, она потеряла счет времени. Она была уверена, что Люси пережила, по меньшей мере, три оргазма, свидетельством чему были ее стоны и то, как влагалище сжимало ее член. Мина сама почти дошла до оргазма, и всадила член в Люси с такой энергией, что почувствовала, как яйца шлепнули о помятую киску.

Люси была почти без сознания, когда ее сразил долгожданный оргазм Мины. Испытав выплеск семяизвержения, отдавшийся глубоко в пизде любовницы, она закричала. Полностью опустошенная, она рухнула на Люси, задыхаясь, скатилась с нее, тогда как дилдо выскользнуло наружу, и через миг впала в оцепенение.

Когда Мина Раш очнулась, было далеко за полночь. Люси Минкс ухитрилась развязать свои путы и, тихо похрапывая, спала, голова ее устроилась на груди Мины, - прямо невинное дитя, грезящее о леденцах.

Мине надо было поссать. Все еще не пришедшая в себя как следует, она освободилась из-под Люси, спотыкаясь в темноте, прошествовала в ванную, где остался не выключенным свет. Она двигалась на автомате, реагируя только на давление в мочевом пузыре.

Мина подняла стульчак и облегчилась, засомневавшись, что аспирин спасет ее от похмелья, и дав себе клятву никогда больше не мешать кокаин с шампанским. Может, это действительно был абсент? Она стряхивала капли со своей «лилии», когда вдруг проснулась окончательно.

Мина вытаращила глаза.

На ней по-прежнему было дилдо с ремешками. Но как..?

В панике, смешанной пополам со смятением, она потянула нейлоново-виниловые ремешки, стаскивая их с бедер.

Когда она сдирала ремешки себе на колени, появилось острое чувство натяжения, а потом латексная оболочка дилдо с треском отделилась и вместе с остальной снастью очутилась возле ее лодыжек.

Мина уставилась на пустую латексную оболочку. Разинув рот, она пялилась на живые член и мошонку, вросшие в ее плоть.

Член Элвиса. Теперь – ее собственный.

Наконец она вернулась к кровати, не забыв опустить стульчак. Она закурила сигарету и принялась созерцать Люси.

В недрах склада Акме, наблюдая за Кейном, сидел на упаковочном ящике Блэклайт. Он раздобыл ведро с холодной курицей по оригинальному рецепту KFC и большую бутылку теплого «Риппла». Он сосредоточенно чавкал и хлебал, время от времени выкидывая за пределы круга света косточки.

- Кейн, эта шутка даже для тебя была чертовски гнусной, - заметил он. *In vino veritas*.

- Оставь мне глоток этого «Риппла», - сказал Кейн. – Это пыльная работа.

Кейн вынырнул из сломанного упаковочного ящика. Он внимательно прочел этикетку на полиэтиленовом пакете: «Дилдо для одного акме-акта. С натуры Джима Моррисона. Возбудите ваших друзей!»

Он бросил упаковку Блэклайту. – Держи это. Может пригодиться.

И вообще. Мине Раш нужен более глубокий голос, если она намерена таки добиться успеха, а Король значительно придаст ей энергетики. Если возникнет проблема, я пушу в ход нож. Чиркнуть чуток, - и все в порядке. Все поправимо.

Блэклайт передал бутылку Кейну. – Ты действительно думаешь, что мы отыщем здесь предмет Дженис Джоплин?

- Непременно. Возможно, прямо в той коробке, на которой ты сидишь.

- Тебе правда бесчисленное множество лет? – Блэклайт взял «Риппл» обратно и запил пару таблеток. Он слез с ящика.

- И все благодаря трезвому образу жизни. – Кейн одной рукой сорвал крышку с упаковочного ящика, разбросав гвозди и щепки.

- Все же, - переваривая таблетки и KFC, Блэклайт не унимался, - для человека столь зрелого возраста, как ты, шутка, пожалуй, слишком гнусная. - Что станет делать Мина Раш, когда обнаружит, что стала отцом?

Кейн извлек пачку плоских упаковок и с изрядным энтузиазмом стал их изучать. – Вот оно! Британское производство. Потому и этикетка такая странная - «фэнни». Я уже знаю того чувака, который это нацепит.

Он допил «Риппл» и задумался. – Блэклайт. Если есть такой урок, который способно дать бесчисленное множество лет, то – вот какой. То, что тебе нужно, не всегда можно получить. Но если ты не будешь осторожен, то можешь получить именно то, что хотел.